
МЭЗЭКИ

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Татарское народное творчество в 15 томах. Том

Сборник

Мэзэки (народные шутки)

«Татарское книжное издательство»

УДК 398
ББК 82.3(2Рос=Тат)

Сборник

Мэзэки (народные шутки) / Сборник — «Татарское книжное издательство», — (Татарское народное творчество в 15 томах. Том)

ISBN 978-5-298-03551-4

В седьмой том вошли мэзэки (народные шутки) татарского народа. Том снабжён вступительной статьёй, словарём непереведённых слов, указателем использованных источников. Рассчитан на фольклористов, литературоведов, историков и этнографов, преподавателей и учащихся, а также на широкий круг читателей.

УДК 398
ББК 82.3(2Рос=Тат)

ISBN 978-5-298-03551-4

© Сборник
© Татарское книжное издательство

Содержание

Мэзэк	8
I	23
1. Если бы государство не было слепым...	23
2. Кто дурень	24
3. Которого отца привести?	25
4. Делящему три гуся, да и то мало	26
5. Почему они не едят плов?	27
6. Как движется ишак?	28
7. И я пропал, и царю не сладко	29
8. Кто из нас царь?	30
9. Царь и предсказатель	31
10. Секрет в том, как скажешь	32
11. Кому досталось царство	33
12. «Знакомство»	34
13. Нет худа без добра	35
14. Вот где диво!	36
15. Какой совет даёт памятник?	37
16. Не нашлось мелочи	38
17. Хворь пройдёт, привычка останется	39
18. Что говорит карман	40
19. Кто превратился в овцу?	41
20. Книга бессильна	42
21. Что говорит книга в зелёном переплёте?	43
22. Приговор доведён до конца	44
23. «Барабанщики»[45]	45
II	46
24. Толщиной с Коран	46
25. Не дотянешься до месяца	47
26. Кому как	48
27. Жена бая	49
28. Бесхитростная подруга	50
29. Гоняет взад и вперёд	51
30. Смирив свою гордость	52
31. Не голову бережёт, а имущество	53
32. Разные цены	54
33. Посылает, да не тебе	55
34. Собак таскай и деньги добывай	56
35. По дырке и заплатка	57
36. После ужина	58
37. Завещание	59
38. Изобретательный пастух	60
39. Какая борода хорошая?	61
40. Не возносись	62
41. Старательный работник	63
42. Молодечество	64
43. Отчего хорош дырявый армяк?	65

44. Купив за шесть, продай за пять	66
45. Два торговца	67
46. Хоть у богача крив рот, да слово прямо	68
47. Сладкоречивый подхалим	69
48. Не заплатишь	70
49. Беспечальный человек	71
50. Полно добра	72
51. Жить равномерно	73
52. Разве мы бедные?	74
53. И виду не подаёт	75
54. Нужда-дедушка	76
55. Не вынесла счастливой жизни	77
56. Сподручно	78
57. У соседей ещё имеется	79
58. В печёнках сидит	80
59. Не нам ли несут?	81
60. Своих хлопот полон рот	82
61. Два зимогора*	83
62. Задарма работать	84
63. Бесплезное дело	85
64. Желанный вор	86
65. С попутным ветром	87
66. Хожу подряд	88
67. Был бы я начальником	89
68. Недосыгаемая мечта	90
69. Будь крупа, сварили бы кашу	91
70. Что на уме, то на языке	92
71. Всё равно какая сторона	93
72. Что вышло?	94
73. «Причина»	95
74. Зачем таскать	96
III	97
75. Ему доверия нет	97
76. Критика «снизу»	98
77. Уж если не везёт, то не везёт	99
78. Верит небылице	100
79. Прегрешение левой ноги	101
80. Какой он, рай?	102
81. Если бы ад был жарким	103
82. Мост Сират* останется в стороне	104
83. Искренняя молитва	105
84. Молитва по-новому	106
85. Как аукнется...	107
86. Ты обманул, и я обманул	108
87. Есть же башковитые!	109
88. Лишнего не полагается	110
89. Страшен не он	111
90. Сама заходит	112
91. Чужое солнце	113

92. Ты-то зайдёшь	114
93. Если пойти на праздник, рыбалка пропадёт	115
94. Как бы вроде...	116
95. Слепой курице всё пшено...	117
96. Еда с молитвой	118
97. Три копейки за так	119
98. Так ли, эдак ли	120
99. Два срока утренней молитвы	121
100. Спасатель	122
101. Ответ шакирда	123
102. Отпевание солдата	124
103. Унесло ветром	125
104. Религиозный человек	126
105. Не наоборот ли?	127
106. Проницательный	128
107. Яблоко от яблони недалеко падает	129
108. Каждому своё место	130
109. Грешные слова	131
110. Ахмет-то Ахмет...	132
111. Любит только слово «на»	133
112. Почему бык послушался?	134
113. Должник	135
114. Огорчение муллы	136
115. У каждого своя печаль	137
116. С бедняка лишь шерсти клочок	138
117. Кому – радости, кому – горести	139
118. Тяжёлое приношение	140
119. Люби кого хошь	141
120. Бесхребетный	142
121. «Разделение труда»	143
122. Подаяние в честь поста	144
123. В надёжном месте	145
124. Мулла	146
125. Способ брать подаяние	147
126. Иногда и шайтан говорит правду	148
127. Мулла, превзошедший шайтана	149
128. Смотря когда	150
129. Овца без молитвы взлетает в небо	151
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Татарское народное творчество

Том 7

© Татарское книжное издательство, 2017

© Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2017

МЭЗЭК

Первые попытки жанровой классификации произведений татарского народного творчества предпринимаются уже в середине XIX века. Вначале превалировала практическая направленность отбора, то есть тексты распределялись по жанрам в целях их публикации. Но, начиная с Каюма Насыри, уже заметно стремление выявить специфические признаки жанра, провести систематизацию на научной основе.

В начале XX века вопрос определения жанрового состава татарского фольклора привлекает внимание довольно большого количества видных учёных. Так, Галимджан Ибрагимов делит народную литературу «со стороны внутренних качеств, смысла и содержания» на семь видов: баиты, песни, сказки, пословицы, загадки, частушки, прибаутки¹. Есть классификации, разработанные Х. Бадиги, Г. Сагди, Г. Рахимом, но ни в одной из них о жанре шутки (мэзэк) не упоминается. Только в 1929 году в составленном М. Васильевым и Г. Рахимом «Руководстве по собиранию фольклора и народной литературы» шутка впервые расценивается как самостоятельный жанр: «Очень короткие рассказы смешного характера называются анекдотом (латифой)»².

Однако и этот факт остался в истории татарской фольклористики случайным, единичным явлением. До 1960 года не появилось ни одного специального исследования о жанре. Только в статьях Г. Баширова «Несколько слов о мэзэке», «Как появился мэзэк», помещённых в его сборниках «Туксан тугыз мэзэк» («Девяносто девять шуток». – Казань, 1960) и «Мең дә бер мэзэк» («Тысяча и один мэзэк». – Казань, 1963), высказаны важные мысли касательно жанровых признаков народной шутки, её возникновения и идейно-эстетической ценности. В конце XX века определённый вклад в изучение жанра внесли Ф. Хатипов и А. Яхин. В монографии Ф. Хатипова «Эпические жанры» (Казань, 1973) есть раздел под названием «О жанре “мэзэк”». В той же книге, в разделе «Новелла. Рассказ», анализируется взаимосвязь народной шутки и новеллы. А. Яхин опубликовал несколько статей об этом жанре, а в своей монографии «Система татарского фольклора» (Казань, 1984) посвятил анекдотам специальную главу.

Хотя научное изучение жанра несколько запоздало, сами шутки (то есть тексты) стали появляться в печати давно. Отдельные образцы этого жанра, хоть и не в «чистом» виде, можно встретить в составе произведений древнетатарской литературы.

Как известно, в средневековой восточной литературе были широко распространены дидактические произведения с «ящичной композицией». В каждом разделе этих произведений, составленных из относительно самостоятельных частей, приводятся изречения, наставления пророков, святых, мудрецов и как иллюстрация к ним прилагаются различные поучительные рассказы, басни, шутки. Эта традиция путём переводов и подражаний проникает также в древнетюркскую литературу. Совершенные образцы её можно встретить в творчестве видного поэта Средневековья Сайфа Сараи. В 1391 году он переводит с фарси на тюркский язык знаменитый «Гулистан» Саади Ширази. Как явствует из исследований Х. Миннегулова, «Гулистан бит-тюрки» состоит из 182 рассказов, 55 притч и 18 назиданий³.

Известное произведение Махмуда бин Гали аль-Булгари «Нәһжел фәрадис» («Открытый путь в рай»), написанное в 1358 году, тоже построено по принципу «ящичной композиции». Книга состоит из четырёх разделов (баб), каждый раздел – из десяти подразделов (фасыл). В начале подраздела «приводится какое-нибудь изречение, даётся пояснение к нему, это поясне-

¹ Ибрагимов Г. Эдәбият дәрәсләре. – Казан, 1916. – 64 б.

² Элифба тәртибе, имла кагыйдәләре, атамалар мәгънәләре, халык эдәбиятын жыю турында инструкцияләр жыентыгы / жыючы Г. Алпар. – Казан, 1926. – 50 б.

³ Миннегулов Х. Ю. Сэйф Сараи. Тормышы һәм ижаты. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1976. – 24 б.

ние дополняется словами, указаниями различных авторитетов. В конце приводятся один или несколько рассказов в качестве иллюстрации к этой мысли»⁴.

Если принять во внимание, что в произведениях восточной литературы широко использовалось народное творчество, в том числе шутки, то окажется, что наш фонд народных шуток значительно обогатился за счёт переводов с арабского и фарси ещё в Средние века. В рассказах четвёртого раздела «Нәһжел фәрадис» осуждаются такие отрицательные качества, как прелюбодеяние, пьянство, чванство, лживость, злоязычие, лицемерие и высокомерие, злопамятность и зависть, накопительство. Видно, что в этих рассказах есть значительное тематическое сходство с народными шутками. И по своей композиции отдельные рассказы близки к мэзэкам.

Например:

«– Эх, бедняга! На голову твою золу посыпали. Почему же ты воздаёшь благодарение по этому поводу? – спросили у мудреца.

Он ответил:

– С меня сошёл грех. Я было опасался, как бы не возник огонь, который уничтожил бы меня. Творец истины довольствовался этой золой. Как же мне не возносить хвалу?»⁵

Ф. Хатипов высказывает мысль о том, что пример этот «целиком и полностью напоминает один анекдот о Ходже Насретдине»⁶. Действительно, среди анекдотов Ходжи довольно часто встречаются похожие на вышеприведённый рассказ. Их схема сводится к следующему: герой попадает в бедственное положение и благодарит Бога за это. Он рад, что избавился от другой, большей беды. Скажем, услышав о пропаже своего осла, Ходжа Насретдин благодарит Всевышнего. Окружающим его удивлённым людям он объясняет:

– Окажись я верхом на этом осле, я ведь тоже пропал бы. Поэтому и радуюсь.

В рассказе «Шейх и кадий*»⁷ шейх спрашивает кадия: «Из какой материи сшит халат, что на тебе?» Кадий отвечает: «Половина – шёлк, половина – нитки». Когда же кадий говорит о том, что одеяние полностью из шёлка дозволено только женщинам, а из ниток – только мужчинам, шейх высмеивает его: «В таком случае, кадий, одна твоя половина – мужчина, другая – женщина». Здесь тоже использован приём шутки: внешнее сходство между двумя предметами переносится на внутреннее сходство.

В период Средневековья были, несомненно, и шутки, созданные самим татарским народом. Поскольку в своё время не были занесены на бумагу, их трудно различить, хотя они, возможно, и сейчас продолжают жить в устном репертуаре. И всё же с помощью некоторых произведений, имеющих отношение к отдельным конкретным событиям и историческим личностям, можно удостовериться, что татарские мэзэки в периоды Булгарского и Казанского ханства обрели законченную форму. В одном мэзэке, опубликованном Н. Исанбетом, говорится о том, как Хромой Тимур (1336–1405) захватил город Булгар и много добычи, пленных. Среди них оказался слепой поэт по имени Давлет. Решив посмеяться над ним, Хромой Тимур спросил:

– Так, значит, Давлет слепой?

На что поэт, не задумываясь, ответил:

– Если бы Давлет не был слепым, не достался бы он Хромому⁸.

Хотя этот мэзэк имеет довольно древнее происхождение, он полностью отвечает и современным требованиям жанра. Здесь использован часто встречающийся в анекдотах приём – употребление слова в нескольких значениях. «Давлет» обозначает: 1) богатство, имущество, 2)

⁴ Борынгы татар әдәбияты. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. – 222–223 б.

⁵ Там же. – 235 б.

⁶ Хатипов Ф. Эпик жанрлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1973. – 49 б.

⁷ Под знаком * даётся ссылка на Словарь непереведённых слов, помещённый в конце сборника.

⁸ Исәнбәт И. Татар халык мәкальләре: 3 томда. – Казан, 1959. – 3 т. – 322 б.

страну, государство, 3) имя человека. Отвечая: «Давлет слепой», поэт намекает на «слепоту» своей страны (то есть на её неготовность отразить нападение врага) и тем самым бросает тень на полководческую славу Тимура. Кроме того, со словом «слепой» удачно сочетается слово «хромой» – намёк на физический недостаток самого Тимура⁹.

Предоставление ответа в этом мэзэке поэту-импровизатору (чичену) тоже соответствует традициям жанра, ибо в создании народных шуток особенно активна роль острословов. «Если соберутся пять-шесть человек, среди них непременно сыщется остроумный человек, создающий весёлое настроение... Это бывало и раньше, и сейчас водится. Даже крохотное жизненное приключение, попав на язычок этого острослова, быстро превращается в весёлую шутку», – пишет Г. Баширов¹⁰.

Использование в литературных произведениях как собственных шуток народа, так и переводных анекдотов – первый шаг в их собирании и издании. Эта традиция сохраняется на протяжении столетий и особенно активизируется в XIX веке. А в 1845 году в Казани, в типографии Шевица печатается в переводе с турецкого первый самостоятельный сборник шуток – «Лэтайф Хужа Насретдин эфэнде» («Анекдоты Ходжи Насретдина»), содержащий 124 текста.

Согласно данным, приведённым А. Г. Каримуллиным в указателе¹¹, во второй половине XIX – начале XX столетия анекдоты Ходжи Насретдина печатаются 31 раз. Кроме того, выходит в свет 13 сборников под названием «Лэтайф» («Анекдоты»), «Мэжмэгыль лэтайф» («Сборник анекдотов») и др. Количество же книг, в которые вошли отдельные тексты шуток, превысило два десятка. Правда, эти цифры, за вычетом повторных изданий, следует чуть приубавить. (Например, мы сопоставили издания сборника «Анекдоты Ходжи Насретдина» 1845, 1881 и 1890 годов. Между ними почти нет различия.) Не следует забывать, что большую часть текстов составляют переводы восточного и русского фольклора. Некоторые авторы сами упоминают об этом. Так, Салихджан Кукляшев пишет о том, что пословицы для хрестоматии «Диване хикаяте татар» («Сборник татарских рассказов») он собирал среди народа, а рассказы (среди них есть и шутки) брал из рукописных книг и переводил с восточных языков¹².

Такое широкое распространение в печати жанра мэзэка следует в первую очередь объяснить бурным ростом просветительского движения среди татар. Это наглядно заметно в деятельности великого просветителя Каюма Насыри. В книгах «Жэвахирел хикэят» («Жемчужины рассказов»), «Кырык бакча» («Сорок садов»), «Фэвакиһелжөлэса фил эдэбият» («Плоды для собеседников по литературе») он помещает десятки текстов мэзэков. В них ставится задачей разоблачение таких отрицательных явлений, как религиозный фанатизм, суфизм, ишанство, схоластика, тупость, невежество, корыстолюбие, жадность, лень и т. п. Материал, служащий этой цели, К. Насыри в основном черпает из восточного фольклора. Здесь нет ничего противоестественного. Потому что «в комическом творчестве народа мы находим противопоставление той доктрине подчинения и религиозного благочестия, которая являлась на Востоке официальной. В анекдотах слышится насмешка трезвого ума над всем условным и не имеющим действительного содержания. Вспомним, как Ходжа учит или учится, как постится, молится Богу, сталкивается с людьми богатыми и бедными; всюду и во всём отражается неразумность догм, законов и установлений мира угнетателей, их несовместимость с требованиями живой материальной практики, с человеческими потребностями»¹³. Произведе-

⁹ Анекдот, построенный на двузначности слова «давлет», известен и в индийском фольклоре. Там оно означает имя человека и имущество (богатство). См.: Забавные рассказы про великого мудрого и хитроумного Бирбала, главного советника индийского падишаха Акбара. – М., 1968. – С. 167.

¹⁰ Баширов Г. Мең дә бер мэзэк. – Казан, 1963. – 380 б.

¹¹ Каримуллин А. Г. Татарский фольклор. Аннотированный указатель литературы (1612–1981): в 2 ч. – Казань, 1993.

¹² Татарская хрестоматия, составленная Салихджаном Кукляшевым. – Казань, 1859. – С. 111.

¹³ Давлетов К. С. Фольклор как вид искусства. – М., 1966. – С. 244–245.

дения подобного содержания приобрели актуальность и в татарской общественной жизни второй половины XIX века.

К. Насыри сам говорит о том, что книгу «Плоды для собеседников по литературе» написал, используя произведения египетского учёного XIX века Мухаммеда бин Ахмета аль-Хатиба и хорезмийского учёного XII века Мухаммеда бин Гасима бин Якуба Зимахшари. Можно полагать, что он обращался и к другим источникам Востока. Например, в книге К. Насыри есть мэзэки о враче, который лечил болезнь желудка, капая лекарство в глаз больного, о скупом человеке, заставлявшем детей спать на левом боку, так как якобы если спать на правом боку, то желудок работает хорошо; о том, как на глазах у больного скупца едят его продукты, чтобы заставить его пропотеть; о дураке, гонящемся в поле за своим голосом; о бедняке, заставившем воров убраться не солоно хлебавши с сообщением: «Я здесь и днём с огнём ничего не найду» и др. Все они встречаются в «Книге занимательных историй» классика средневековой сирийской литературы Абуль-Фараджа (1226–1286)¹⁴.

Разумеется, не все опубликованные К. Насыри шутки являются переводами. Чтобы выяснить это, нужно изучить, сопоставить восточные источники, использованные учёным. Но и без этого можно с уверенностью сказать, что отдельные шутки, основанные на игре слов «куна алып кил» (принеси доску для теста), «куна кил» (приходи с ночёвкой), или с похоже звучащими словами: «пычки» (пила) – «ышкы» (рубанок) мог сочинить только татарский народ, ибо слова эти так сходно звучат только в татарском языке. При переводе их на другие языки исчезают сходство и игра слов и, следовательно, почва для шутки. Вот пример другой шутки:

«Когда один нищий умирал, к нему пришли близкие.

– Эх, имярек, состояние твоё плохое, произнеси иман.

– Ох, даже на смертном одре надоедают с этой иманой, – возроптал бедняга»¹⁵.

Эта шутка построена на созвучии слов «иман» (слова, произносимые для заверения в верности Всевышнему) и «имана» (налог на землю). Слово «иман» арабского происхождения, а «имана» распространено только в царской России, среди татарских крестьян (переделка слова «имена»¹⁶). Само собой разумеется, эта шутка – произведение татарского фольклора.

Тексты мэзэков, непосредственно записанные из народных уст, хотя и в небольшом количестве, встречаются и в фольклорных сборниках, выпущенных Г. Балингом, Г. Фаезхановым, Т. Яхиным, Ш. Рахматуллиним. Последний из этих авторов особо активно трудился над составлением сборников шуток. Вышли в свет его книги: «Истинные мэзэки» (1895), «Истинное слово» (1897), «Истинные рассказы» (1901), «Истинные сказки» (1909). Первые две из них анонимны. Лишь в третьей сообщается, что составителем «Истинных рассказов» является Шигабутдин сын Габдульгазиза Рахматуллин. В предисловии к четвёртому сборнику сам Ш. Рахматуллин напоминает о том, что издал раньше книги «Истинные мэзэки» и «Истинное слово».

Поскольку о содержании сборников «Истинное слово», «Истинные сказки» подробно написано Г. Башировым, остановимся лишь на сборнике «Истинные мэзэки», который и по времени был первым, и по содержанию состоит только из шуток. (Отсюда, по-видимому, и начинается научное обращение термина «мэзэк».) Правда, многие из 90 текстов являются переводами с русского. Об этом свидетельствуют русские имена и такие слова, как «барин», «лакей», «половой», «денщик», «гостиный двор», «зверинец», «плут», «ломбард». Но встречаются в сборнике и шутки татарского народа. Вот пример:

«Когда одна сноха жаловалась на свою свекровь, другая сноха сказала:

– А вот моя свекровь, слава богу, ни разу слова обидного не сказала.

¹⁴ Абуль-Фарадж. Книга занимательных историй. – М., 1957. – С. 108, 141, 147, 186, 200.

¹⁵ Насыри К. Сайланма эсэрләр: 2 томда. – Казан, 1975. – 2 т. – 265 б.

¹⁶ Ахунзянов Э. М. Русские заимствования в татарском языке. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. – С. 156–157.

Первая сноха:

– Что за диковинный случай! Может быть, вы не встречаетесь?

– Вот именно! Она живёт в Береске*, а я живу в Метеске*».

Немало увлекательных сборников народных шуток было выпущено в начале XX века. Один из них – книга Хабири Насыри «Мэзэки, или Поучительные истории» (Казань, 1904). В неё включены 73 шутки. Тематика их довольно богата и для своего времени актуальна, им присущи выдержанность стиля, остроумие. Хотя многие произведения также являются переводными, автор сравнительно мало употребляет чужеродные слова. Такой же положительной оценки заслуживают сборники «Восемьдесят восемь миниатюр» (Казань, 1902) Махмуда Алмаева и «Развлекательные слова» (Оренбург, 1914) Габдельбара Шарифова. Последний сборник состоит из 120 шуток. Многие из них продолжают печататься и в современных фольклорных сборниках.

После возникновения в годы Первой русской революции периодической печати на татарском языке издание народных шуток активизируется. Особенно в журнале «Шура», на страницах которого помещаются многочисленные тексты в переводах из турецких источников.

Систематическое собирание и опубликование собственных мэзэков татарского народа приходится на 50—60-е годы XX века. Этим плодотворно занимается Г. Баширов. Хождение в народ, содействие любителей-фольклористов помогли ему собрать более 1000 произведений народного юмора, которые увидели свет в уже упомянутых сборниках «Девяносто девять шуток», «Тысяча и один мэзэк» и других, несколько раз издававшихся и в русском переводе.

Большой труд в сбор и публикацию народных шуток вложил писатель и учёный Наки Исанбет. В его трёхтомнике «Татарские народные пословицы» в виде иллюстративного материала приводится около 400 текстов мэзэков.

В течение многих лет участники фольклорных экспедиций, организованных Институтом языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова, записывали на местах большое количество народных шуток. Следует также учесть постоянный приток произведений, присылаемых отдельными любителями-энтузиастами в адрес Института.

Значительным событием в истории татарского фольклора стал выпуск специального тома «Мэзэклэр» («Народные шутки») в составе 12-томного свода «Татар халык ижаты» («Татарское народное творчество»), который содержит 1169 текстов, снабжён вступительной статьёй, примечаниями и указателем источников¹⁷.

Тексты мэзэков печатались и печатаются также в различных фольклорных сборниках, на страницах журналов «Чаян», «Казан утлары», «Идел», «Сөембикэ», «Ялкын», газет «Ватаным Татарстан», «Шәһри Казан», «Татарстан яшьләре» и др.

Жанр мэзэка в татарском народном творчестве по своим основным параметрам близок к анекдоту в русском фольклоре. Слово «анекдот», заимствованное из греческого лексикона, прижилось в фольклоре многих народов и превратилось в своеобразный интернациональный термин. Вместе с тем у этого жанра есть национальные, иначе говоря, имеющие обращение только у отдельного народа наименования. Так, украинцы называют анекдот «усмешкой», башкиры – «кулямас», туркмены – «шорта сөз».

В татарской дореволюционной печати шутки нередко появлялись под именем «хикэят» (рассказ). Широкое употребление получили также термины «латифа» и «мэзэк». Эти слова, пришедшие к нам из арабского языка, имели значение «забавный короткий рассказ». Как и термин «анекдот», арабская «латифа» употребляется в фольклоре многих народов (в основном на Востоке, например у индийцев, афганцев, персов, турок, азербайджанцев, узбе-

¹⁷ Татар халык ижаты. Мэзэклэр / төз.: Х. Ш. Мәхмүтов, А. И. Садыйкова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979.

ков, уйгуров и др.). Слово «мэзэк» как название жанра, как термин у других народов вроде бы не встречается (сами арабы употребляют термины «надира», «нэктэ»)¹⁸.

Во второй половине XX века в фольклористике многих народов анекдот был признан самостоятельным жанром, и появились серьёзные исследования, в которых его разработка нашла отражение. Об основных жанровых признаках анекдота можно судить по данным ему определениям. Вот определение В. Е. Гусева: «Анекдотом мы называем эпическое сатирическое или юмористическое произведение, построенное на одном эпизоде с резко выраженной кульминацией и неожиданной концовкой»¹⁹. «Анекдот в основном это так называемая «малая повествовательная форма», по преимуществу устная. Лежащее в основе рассказа острое положение обычно разрешается неожиданной концовкой», – пишет Н. Османов²⁰. Согласно определению К. Мергена, «короткоформатным произведениям народного творчества сатирической направленности, и, как правило, с неожиданным поворотом сюжета, дан термин кулямас»²¹. «...Когда мы говорим о шутке, мы подразумеваем прежде всего жанр, вмещающий смешное, весёлое, компактное, неожиданно остроумное», – подчёркивает Ф. Хатипов²².

Следовательно, под шуткой (анекдотом) понимается небольшое прозаическое, юмористико-сатирическое произведение с обязательной неожиданной и остроумной концовкой. Эти признаки, взятые по отдельности, свойственны и фольклорным произведениям другого рода. У мэзэков особенно заметна близость к сказкам. Поэтому некоторые фольклористы до сих пор продолжают рассматривать шутки как разновидность сказок. И напротив, сторонники взгляда на шутку как на самостоятельный жанр стремятся прежде всего найти признаки, отличающие её от сказки. Исследования в таком направлении в русской фольклористике проводились уже в конце XIX века. А. П. Пельтцер, касаясь различия между сказкой и анекдотом, обратил внимание на то, что они различаются не только по форме (скажем, по объёму), но и по содержанию: «В анекдоте замечается отсутствие фантастического элемента, и это едва ли не главная отличительная черта. В нём всё жизненно и правдиво, он не уклоняется от действительности. Мы всегда чувствуем под ногами твёрдую почву, твёрдое основание, определённый факт, жизненный и рельефный, подхваченный народным юмором. Правда, в большинстве анекдотов есть преувеличение, но оно нисколько не мешает жизненной правдивости»²³. Подобный взгляд и у Г. Баширова: «Если один род сказок имеет дело с волшебством, основанным на фантастических, вымышленных событиях, то шутка не имеет к нему никакого отношения. Она имеет дело только с подлинными, на земле живущими людьми, с реальными обстоятельствами, которые пережиты или могут быть пережиты ими»²⁴ (выделено нами. – Х. М.).

Это очень важный момент. Реальное содержание шуток наиболее отчётливо проглядывает в образной системе этого рода произведений. В шутках конфликт основан большей частью на отношениях людей между собой (скажем, богач и работник, умный и дурак, трудолюбивый и лентяй, сноха и свекровь, зять и тесть). Даже знаменитый герой шуток Ходжа Насретдин, переживший множество приключений и даже побывавший «на том свете», никогда не вступает в столкновение с фантастическими силами. Его противники – ханы, визири*, кадии, суфии*, торговцы и др. Таких могущественных врагов Ходжа одолевает не с помощью волшебства, а благодаря смекалке, хитрости.

¹⁸ Гарәпчә-татарча алынмалар сүзлеге. – Казан, 1965. – 244, 303, 360 б.

¹⁹ Гусев В. Е. Эстетика фольклора. – Л., 1967. – С. 127.

²⁰ Персидские анекдоты. – М., 1963. – С. 7.

²¹ Мәргән К. Башкорт кәләмәстәрәненең жанр үзенсәлеге тураһында әдәбият. Фольклор. Әдәби мирас. Беренсе китап. – Өфө, 1975. – 127 б.

²² Хатипов Ф. Эпик жанрлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1973. – 20 б.

²³ Пельтцер А. П. Происхождение анекдотов в русской народной словесности // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – Т. XI. – Харьков, 1899. – С. 65.

²⁴ Баширов Г. Туксан тугыз мэзэк. – Казан, 1960. – С. 74.

Во многих шутках упоминаются конкретные названия деревень, имена людей. В науке стало признанной истиной, что героями некоторых популярных анекдотов являются исторические личности. Скажем, бытуют многочисленные анекдоты о великом узбекском поэте Навои (фольклорное имя – Мирали, XV век), о Бирбале – визире индийского императора Акбара (XVI век), о видном туркменском сатирике Кемине (XIX век). Предполагают даже, что и у Ходжи Насретдина был прототип. По одной из таких версий, он якобы родился в 1206 году в малоазиатском селении Хорто, в семье муллы, тридцати лет переехал в Акшехир и там скончался в 1284 году²⁵.

В томах «Татарских народных пословиц» Н. Исанбета приведены мэзэки о литераторах и поэтах Г. Кандалий, К. Насыри, Г. Тукае, З. Башири, Г. Газизе и др. А мэзэки, в которых главными персонажами являются жившие в Казани остро слов Рахми Толмач* и миллионер Длинный Ибрай, составляют даже целый цикл.

Первый персонаж цикла – Рахми Толмач (Рахматулла Амирханов) – родился примерно в 1805 году в деревне Новый Кишет. Когда он был ещё маленьким, его отец переехал в Казань. Рахматулла получил хорошее образование в медресе, самостоятельно освоил русский язык и служил даже переводчиком в казанской ратуше (Рахми Толмач – дословно: Рахми Переводчик). Р. Амирханов активно участвовал в культурном движении татар, был издателем, составителем календарей. Как известный остро слов Рахми Толмач упоминается и в знаменитом труде Ш. Марджани «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Полезные сведения о Казани и Булгаре»)²⁶.

Прототипом второго персонажа (Длинного Ибрая) был богач Ибрагим Юнусов. Этот чванливый, грубый, невежественный человек, носитель реакционных взглядов хотя и содержал в Казани медресе*, но многие годы чинил препятствия стремлениям великого просветителя и историка Шигабутдина Марджани обучать по-новому²⁷. Эти свойственные характеру И. Юнусова черты удачно схвачены в вышеназванном цикле шуток.

Раз мэзэк тесно связан с реальной действительностью, то как же объяснить утверждение некоторых авторов, что «во многих шутках, как и в сказках, фантастические обстоятельства занимают большое место», что мэзэк «шельмует» фантастические злые силы (дьявола, чёрта, лешего и др.)?²⁸ Чтобы ответить на этот вопрос, стоит, пожалуй, бросить взгляд на генезис и эволюцию жанра.

Во второй половине XX века вышли в свет труды, посвящённые изучению духовной жизни древнего родового общества, включая его словесно-языковое творчество²⁹. Как явствует из них, в фольклоре древности наряду с мифами значительное место занимают анекдоты и рассказы, повествующие о происходивших в жизни событиях. Вдобавок и сами мифы по содержанию не были однозначными. Мифологический герой – сложный, многогранный образ. Говоря словами Е. Мелетинского, он действует «то как мифологический демиург, то как богатырь, то как плут-трюкач»³⁰. То же самое наблюдается в дуалистических мифах, составлявших первоначальный слой мифологии.

²⁵ Гордлевский В. А. Послесловие к сборнику «Анекдоты о Ходже Насретдине». – Изд. 2. – М., 1957. – С. 245–247.

²⁶ Татар әдәбияты тарихы: 6 томда. – Казан, 1985. – 2 т. – 25–26 б.

²⁷ Гайнуллин М. Х. Татарская литература XIX века. – Казань, 1975. – С. 41.

²⁸ Хатипов Ф. Эпик жанрлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1973. – 21, 36 б.

²⁹ Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – М., 1963; Золотарёв А. М. Родовой строй и первобытная мифология. – М., 1964; Анисимов А. Ф. Духовная жизнь первобытного общества. – М.-Л., 1966; История всемирной литературы. – М., 1967. – Т. 1. – Литература древнего мира; Турсунов Е. Д. Генезис казахской бытовой сказки. – Алма-Ата, 1973.

³⁰ Мелетинский Е. М. Указ. соч. – С. 30, 32, 54–57.

В дуалистических мифах отражена древняя форма структуры человеческого общества, состоявшая из двух противоположных фратрий. Герои таких мифов – два брата-близнеца, считающиеся родовыми предводителями фратрий. Один из близнецов изображается опытным, энергичным, смыслённым, хитрым, а второй – бездарем, растяпой, бестолочью. «В развитом дуалистическом мифе мы находим уже все основные элементы бытовых комических повествований: культурные герои представлены умным и глупым; последний всё делает не так, как следует, и попадает в смешные ситуации, причём зачастую герои действуют в обыденной житейской обстановке», – пишет Е. Турсунов³¹. По его мысли, во времена расшатывания древних религиозных взглядов отдельные сюжеты дуалистических мифов, бытовых сказок и анекдотов, принимая форму художественного произведения, составляли самый древний слой сатирической бытовой литературы. Однако в этих сказках сатира ещё не обрела социальный характер, она нашла воплощение в прежних мифологических образах и была направлена против считавшихся некогда могущественными сил природы.

Осмеяние фантастических сил в шутках, возможно, занимало значительное место именно на данной ступени эволюции жанра. У некоторых братских тюркских народов, например у казахов и башкир, существуют циклы об Алдаре и шайтане. У нас в сегодняшнем репертуаре шутки, в которых замешаны фантастические силы, можно перечислить по пальцам. Вот некоторые из них.

«... Не успел старик, тащущий вязанку дров из леса, поохать-попричитать: «И смерть не придёт», как перед ним предстала Смерть и спрашивает:

– Почто меня покликал?

Старик словчил:

– Вот позвал помочь привезти эти дрова».

По правде говоря, в этом примере Смерть не выступает в роли существ иного мира. Смерть, увидя немощного старика, недоуменно спрашивает: «Почто покликал?» Если бы не было некоторой условности (Смерть, услышав своё имя, тут же появляется), можно было бы рассматривать ситуацию как конфликт между умным, расторопным человеком и бестолковым, простофилей. Поэтому мифологические образы, заменившие когда-то в дуалистических мифах растяпу-брата, по мере развития жанра снова легко вытесняются образами людей.

Следовательно, по содержанию мэзэк от волшебной сказки нетрудно отличить. Но есть ещё бытовые сказки, которые по своему реальному содержанию, по идее, тематике очень близки к мэзэкам, и чтобы различать их, следует обратить внимание на их структуру, особенности композиции. «Бытовая сатирическая сказка и анекдот по специфике изображения действительности принципиально не отличаются друг от друга, – говорит В. И. Чичеров. – Их отличие можно видеть скорее всего в том, что анекдот повествует в сжатой лаконичной форме только об одном каком-либо случае (содержит один эпизод), тогда как бытовая сатирическая сказка включает ряд в сюжетном отношении нередко самостоятельных эпизодов, связанных одним персонажем и общей идеей... Приём троекратности (обычно троичности лиц и троичности действий) часто встречается в сказках этого рода, но в анекдотах этот приём отсутствует»³². Как мы уже видели, В. Е. Гусев также указал на то, что анекдот – произведение, построенное на одном эпизоде. Ф. Хатипов считает эту композиционную особенность присущей и татарским шуткам³³.

Касаясь взаимоотношений анекдота и бытовой сказки, Е. Турсунов говорит о необходимости включить в состав жанра анекдота и древние комические сюжеты, восходящие к мифам. Основанием для этого он берёт однособытийность в их построении и неожиданность ситуа-

³¹ Турсунов Е. Д. Генезис казахской бытовой сказки. – Алма-Ата, 1973. – С. 36, 37, 130.

³² Чичеров В. И. Русское народное творчество. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. – С. 303, 308.

³³ Хатипов Ф. Эпик жанрлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1973. – 27 б.

ции. Первоначальное механическое объединение двух или более самостоятельных эпизодов и последующее дополнение их сходными по характеру деталями и эпизодами – так рождается сложная структура многоплановой бытовой сказки³⁴.

Анекдоты могут включать и несколько эпизодов. Часто встречаются примеры образования их на основе двух событий. Герой шутки попадает в две ситуации. Обычно эти ситуации внешне схожи, но тем не менее существенно отличаются друг от друга. Герой или сознательно, или вследствие своей бестолковости использует итог первой ситуации (формально он имеет на то право, поскольку ситуации сходны) во второй ситуации, тем самым оставляя своих врагов в дураках или же оказываясь сам в комическом положении. Приведём примеры для обоих случаев.

1. Один богач даёт работнику деньги и велит купить на базаре две разные вещи. Чтобы купить их, работник ходит на базар дважды, возвращается только ночью. Богач бьёт его, наставляя: «Исполни в один выход два поручения».

В другой раз богач заболевает и посылает работника за врачом (как и в первом эпизоде, работнику даётся поручение). Работник приводит с собой врача и ещё одного человека. Богач спрашивает: «Зачем этого человека привёл?» Работник отвечает: «Тогда, помнишь, ты побил меня, сказав, чтобы я за один раз выполнил сразу два поручения. Так вот тебе врач. А коль умрёшь – вот тебе могильщик. Два раза меня не гоняй!»

2. Мэнди отправляется с отцом на базар покупать корову. Отец торгуется, чтобы корова была стельная. Мэнди приходит к выводу, что стельная – это хорошо.

В другой раз Мэнди сватают девушку (внешнее сходство с первым событием – торг). Держа в уме итог первого события, Мэнди торгуется со свахой: «Мне чтоб и девушка была, чтоб и на сносях была!»

Есть шутки, включающие даже три события. Примеры можно найти в анекдотах о Ходже Насретдине. В одном древнем тексте три монаха, каждый по отдельности, то есть в отдельном эпизоде, задают Ходже три вопроса: «Где центр мира? Сколько звёзд на небе? Сколько волосинок в моей бороде?» Или в другом анекдоте Ходжа три раза подходит к кафедре и обращается к собравшимся: «Эй, правоверные, знаете ли вы, о чём я вам сейчас расскажу?»

И сказки, в свою очередь, не всегда сохраняют в сюжете трёхсобытийность. Встречаются короткие бытовые сказки, вобравшие в себя лишь одно событие. Здесь приходится считаться не столько с количеством событий, а с тем, как рассказывается о них. Как писал Г. Баширов, «в любой сказке события излагаются подробно, там основное внимание сосредоточивается на самом событии, на его содержании. А в шутке – по-иному... Основа, то, что делает шуткой, – умное, толковое слово, а в некоторых – искусное, остроумное, достойное стать афоризмом»³⁵.

Совершенно правильное наблюдение. В самом процессе рассказывания сказки слушатель испытывает эстетическое наслаждение. А вся соль, весь вкус шутки – в её концовке. Здесь недостаточно говорить только о поучительном, остроумном слове, потому что и сказки иногда заканчиваются такими же выражениями. Вся премудрость шутки – в неожиданности концовки. Такое условие совершенно не случайно, поскольку, как показано в теоретических трудах, неожиданность – один из общих законов комизма. «Во всех приведённых нами случаях открытие недостатков окружающих нас людей и другие подобные же открытия только тогда приводят к смеху, когда они неожиданны», – говорит известный советский фольклорист В. Я. Пропп. «Анекдот, – продолжает он, – вызывает у нас смех своим неожиданным остроумным концом. Но тот же анекдот, услышанный во второй или в третий или в четвёртый раз, смеха

³⁴ Турсунов Е. Д. Генезис казахской бытовой сказки. – Алма-Ата, 1973. – С. 27–29.

³⁵ Баширов Г. Мэзэк турынды бер-ике сүз. – 74 б.

не вызывает, так как неожиданности уже нет»³⁶. На то, что «в неожиданном повороте мысли заключается комизм анекдотов и шуток», указывает и польский учёный Б. Дземидок³⁷.

При первом знакомстве слушатели до последних слов не знают, чем закончится шутка, потому что итог, ожидаемый по логике рассказа, оказывается совсем не таким, каким его ожидали. Если же соль шутки будет известна заранее, тогда она потеряет свой смысл. Приведём примеры.

«Один человек, отправившийся в лес воровать дрова, услышал посвист и, полагая, что его обнаружил лесник, убежал домой. Вернувшись домой, прислушался – свистят пуще прежнего.

Человек сказал своей жене:

– Запри ворота, не впускай лесника!

Сам быстренько полез в подпол. Свистящий звук всё не прекращался».

Здесь произведение подошло к пику развязки. Кажется, вот сейчас лесник прикажет отпереть ворота, выволочит порубщика из подпола и накажет. Шутка же заканчивается по-другому: нет никакого лесника, его и не было вовсе, а свистит... собственный нос бедняги.

Поскольку неожиданная концовка является необходимым условием шуток, то в поэтике жанра должны быть обеспечивающие это условие специальные средства и приёмы. Один из них – алогизм. То есть между заявленной в произведении ситуацией и поведением героя шутки возникает несоответствие. Алогизм особенно присущ шуткам о дураковатых людях. Такие не могут постичь суть и подлинные причины жизненных явлений и делают неправильные, абсурдные выводы. Поэтому их слова или поступки оказываются для слушателей совершенно неожиданными.

«... У человека по имени Хайрулла волк задрал козу. Хайрулла едет в Арск на базар покупать новую козу. Но животное не пускают в вагон, и Хайрулла привязывает его к вагону сзади. На ближайшей остановке Хайрулла слез посмотреть – только голова козья на верёвке болтается. Хайрулла вне себя:

– Проклятый волк! За поездом бежал, догнал всё-таки!»

Сходных примеров много в шутках о Мэнди, Мокыте. Мэнди, проспавший обоз, весь гнев излил на петуха: «Без петушиного крика рассвет не наступает, петух криком вызвал рассвет». А другой герой, Мокыт, когда жене настало время рожать, отправляет повитуху от порога обратно: «И в тот раз из-за тебя родилась дочь. Мне нужен мальчик, пусть другая повитуха придёт».

Алогизм может возникнуть и через аналогичное мышление³⁸ героев шутки. Скажем, у одного человека в пути устала лошадь. Он и бьёт её, и уговаривает – лошадь ни с места. Тогда, рассердясь, человек думает наказать лошадь. Исходя из того, что ему самому пешком идти трудно, он распрягает лошадь, привязывает за уздечку к задку телеги, сам впрягается в тележку: «Попробуй-ка, лошадка, теперь пошагай пешком, узнаешь, каково!»

Иногда алогизм возникает благодаря сокращению части эпизода, раскрывающей причины и следствия в поступках героя. «Укороченный» ответ (или поступок) не подходит к поставленному вопросу, воспринимается как несоответствующий. Когда некто явился в больницу, жалуясь на боль в животе, врач, невзирая на его охи, начал ему капать в глаз лекарство... Безграмотный человек просит другого человека написать для него письмо. Тот отговаривается: «Не могу написать, что-то ноги в последнее время приболели». Анализируя последний пример, Ф. Хатипов пишет: «Этот ответ ставит перед слушателем и читателем загадку. Какое имеет

³⁶ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. – М., 1976. – С. 149.

³⁷ Дземидок Б. О комическом. – М., 1974. – С. 72–73. (Пер. с польск.)

³⁸ Аналогичное мышление – мышление на основе сходства. В шутках часто встречается форма механического переноса внешнего сходства между двумя предметами или явлениями на их основные, существенные качества.

отношение к писанию письма болезнь ног? Ведь пишут не ногой, а рукой. Где же тут логика? Но только поначалу всё кажется нелогичным. Потому что выпало посредническое звено – объяснение. Если восстановим его, появится логика мысли.

«...Этот человек удивился:

– При чём тут ноги? Ты, чать, не ногой будешь писать.

Тот человек сказал:

– В том-то и закавыка: письмо, которое я напишу, никто, кроме меня, не сумеет прочитать. А у меня болят ноги, чтобы идти по адресу».

Таким образом, понятие в двух плоскостях (писание письма и болезнь ног) вошло в одну связь, в результате чего возникла шутка»³⁹.

Можно к этому интересному наблюдению Ф. Хатипова добавить: чтобы с помощью указанного примера создать шутку, нужно, чтобы у её героя был какой-то изъян, какое-то несоответствующее норме качество. Но вначале в произведении нет на это намёка, слушатель думает, будто речь идёт о нормальных людях. Скажем, мы не знаем заранее, что у человека, к которому обратились за помощью, скверный почерк, который он сам только и различит. Человек, явившийся к врачу с жалобой на боль в животе, оказывается, ел заплесневелый хлеб. Следовательно, он «слепой» (в значении скупой, неразборчивый). Врач, капая ему лекарство в глаз, тем самым намекает на этот его недостаток.

Как многократно указывали исследователи теории комического, «стремление чего-либо выдать себя не за то, что он есть на самом деле, создаёт возможность для возникновения смеха»⁴⁰. Такой приём возбуждения смеха широко используется и в татарских мэзэках. Их герои (разумеется, отрицательные) стараются показать себя или храбрыми, или знающими, или правдивыми, или обладающими другими привлекательными качествами. Но впоследствии в них обнаруживаются совсем противоположные качества (трусость, невежество, лживость и т. п.). Иногда какой-то второстепенный персонаж разоблачает отрицательных героев своими меткими репликами. Или же эти «герои» сами, не умея отличить хорошее от плохого, разоблачают себя своими поступками или словами.

Для создания комической ситуации в шутках нередко используются языковые средства. В их основе – превратное понимание (или же как будто превратное понимание) героем какого-либо слова или выражения. В результате он даёт совершенно неожиданный ответ на заданный ему вопрос или вместо требуемого выполняет совсем другое задание и т. д.

Из языковых средств в мэзэке особенно часто встречается каламбур. Он строится на явлениях омонимии (одинаковое произношение различных по смыслу слов) и полисемии (многозначность слова).

Зять по имени Янгир (видимо, искажённое имя от Джигангир), обжора, пришёл в гости к тестю, спрятался под крыльцом и уплетает принесённые из дома продукты. В это время пошёл ливень. Тесть и тёща вышли на крыльцо и воскликнули: «Хвала Аллаху, как яңгыр (дождь) хлещет!» Зять, что под крыльцом хоронится, кричит им в ответ: «Ну и что, уплетает ведь своё!»

Здесь использовано почти одинаковое произношение слов «Янгир» (имя зятя) и «яңгыр» (дождь), а также многозначность слова «ишү» (хлестать; уплетать), то есть налицо и омонимия, и полисемия.

В некоторых шутках, построенных на неправильном понимании слова, герой не знает иностранного языка и, воспринимая какое-то чужеземное слово как татарское, попадает в комическое положение.

Часто герои шутки попадают впросак, понимая слова с переносным значением (например, фразеологизмы) в прямом смысле. Один парень, претворяя в жизнь наставление родите-

³⁹ Хатипов Ф. Эпик жанрлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1973. – 23 б.

⁴⁰ Николаев Д. П. Смех – оружие сатиры. – М., 1962. – С. 56.

лей: «Говори только закруглёнными¹ словами», при встрече с девушкой начинает нанизывать такие слова, как «миска», «тарелка», «луна».

Возможность понимания вопроса или поручения в узком, прямом смысле слова часто служит героям шутки для того, чтобы с честью выходить из неудобного положения, опровергнуть доводы оппонента.

«– Эй, малай! Ты принёс мне пиво, положив в него окурок!

– А ты думал, что за десять копеек тебе положат целую папиросу?!»

Здесь официанту предъявляются претензии за загрязнение пива. А тот, притворяясь, что понял упрёк в смысле «почему положил (только!) окурок папиросы?», легко отменяет от себя обвинение.

Среди шуток, основанных на двояком понимании слова, есть и тексты в форме ожидания ответа на загадки или коварные вопросы, близкие к загадкам. Сама загадка не бывает трудной, кстати, и ответ прозрачен. Однако ищущий ответы, идя по прямой линии, даёт бессмысленный ответ. Например, Ходже Насретдину задали загадку: «Снаружи белое, внутри жёлтое. Если угадаешь, что это такое, угощу тебя яичницей». Ясно, что речь идёт о яйце. Но ответ Ходжи другой: «Знаю, знаю, выдолбили репу и наполнили семенами шафрана».

Иногда сам загадывающий загадку попадает впросак. Вместе с заданной загадкой он нечаянно подсказывает и ответ, и когда другой человек даёт правильный ответ, удивляется. «В прежние времена заспорили двое нищих. Один говорит: «Если отгадаешь, сколько в моём мешке пирожков, оба отдам тебе». Другой, конечно, отвечает: «Два!» Первый, поразившись догадливости товарища, отдаёт ему оба пирожка».

Таким образом, загадка в мэзэке служит лёгкому юмору, объектом которого являются люди не очень догадливые, тугомыслящие. В этом отношении она резко отличается от загадок, встречающихся в сказках, обычно загадка в сказке бывает связана с каким-нибудь обычаем, отгадавший женится на царской дочери, садится на престол и т. д. Правда, в некоторых случаях и в мэзэке ставятся вопросы, имеющие отношение к обычаю, но ответ на них даётся в реальном плане.

Один из приёмов, служащих возникновению комической ситуации вследствие непонимания во время диалога одним из участников другого, – высказывание с намёком. Есть различные формы иносказания. Скажем, герой мэзэка совершил неправо дело и сам же признаётся в этом. Но речь его внешне гладкая, часто с ритмом и рифмами, в текст вводятся слова, опровергающие смысл друг друга (часто антонимы). В результате второй участник диалога, поддавшись внешнему эффекту, не в состоянии постичь суть речи первого. Так, одна женщина, отправившись на жатву, целый день проспала в поле. Вернувшись, на вопрос мужа: «Сколько сжала?» – отвечает:

– Жать не жала, журавлей на небе не считала, по три снопа в каждой три кучи снопов сжала!

Мужу показалось это очень много, и он похвалил жену. Здесь предстаёт в смешном виде не столько лентяйка, сколько доверчивый и простоватый муж. Таким же приёмом часто пользуются и положительные герои.

Как было уже отмечено, заключительная часть шуток часто выполняет в жизни роль пословицы, афоризма, то есть из шутки рождается пословица. Но этот процесс двусторонний. В некоторых случаях сами шутки придумываются, чтобы глубже раскрыть содержание какой-нибудь пословицы, иллюстрировать её смысл. Интересная, смешная сторона таких шуток вот в чём: текст пословицы, отдельно взятый, используется в образном, переносном смысле. Когда пословицу «развёртывают» в шутку, событие в ней опирается на прямой смысл текста. В результате герой попадает в странную, комедийную ситуацию. Например, есть пословица «На воре шапка горит». Её применяют к тому случаю, когда кто-то невольным движением или сло-

вом обнаруживает свою виновность. В мэзэке эта ситуация изображается как на самом деле случившееся в жизни событие.

«На базаре у дядьки украли деньги. Но народу много. Как узнать, кто украл? Тогда дядьке пришла в голову мысль. Он неожиданно крикнул:

– На воре шапка горит!

Смотрят: один человек судорожно схватился за свою шапку. Оказывается, он и украл деньги».

С целью усилить комическую остроту произведения (особенно финальной части) широко используются такие средства художественной выразительности, как параллелизм, сравнение, ирония, гипербола, а также частушки, прибаутки, пословицы, поговорки.

* * *

Как принято в фольклористике многих народов, татарские мэзэки можно сгруппировать по двум основаниям.

Первое – группирование произведений согласно популярным персонажам народных шуток на отдельные циклы. В татарском фольклоре есть более или менее крупные циклы: о придурковатых Мокыте, Мэнди, Муджипе, Габди; о лентяях Ашти и Машти; о смышлёной снохе Ульмяс Сылу; о ленивой снохе Парихе; о Джиран-чичене*; об острослове Рахми Толмаче; о Ходже Насретдине⁴¹.

Хотя Ходжа Насретдин, Джиран-чичен (дословно: рыжий акын, народный поэт) и не являются плодом фантазии татарского народа, они прочно прижились в фольклоре, стали национальными персонажами. Особенно популярен у татар Ходжа Насретдин. Мы уже писали о многочисленных сборниках анекдотов о нём, изданных в дооктябрьский период. Что касается советского периода, прежде всего хочется отметить плодотворную деятельность, проявленную писателем Абдуллой Ахметом в собирании, обработке и опубликовании анекдотов о Ходже Насретдине.

Разумеется, татарский народ принял эти анекдоты, переработав их творчески. М. Васильев пишет об этом: «Переработка турецкой редакции в наших текстах сказалась прежде всего: 1) в приурочении обстановки, в которой развёртывается действие, применительно к условиям местного быта; 2) в смягчении грубости смеха и резкости действий и опрощении героя; 3) во внесении элемента иронии в отношении к религии»⁴².

На наш взгляд, в приведённой цитате достойны внимания 1-й и 2-й пункты. Приближение анекдотов к местным условиям, изменение этнографических деталей, реалий часто встречаются в этом цикле. Как писал Г. Баширов, «в некоторых анекдотах Ходжу ссаживают с традиционного ишака и согласно нашему обычаю усаживают на коня». Или же осёл, которого Ходжа ведёт на базар продавать, в татарском варианте заменяется коровой. В турецких версиях таких анекдотов, как «Ходжа прокукарекал как петух», «Куры Ходжи», местами действия указаны города Акшехир, Сиврихисар. У нас, естественно, эти названия опускаются.

Укоренение анекдотов о Ходже Насретдине в татарском фольклоре засвидетельствовало и другими фактами. Например, многие мэзэки, в которых «прописан» Ходжа, рассказываются у нас с включением других персонажей. И наоборот, в некоторых исконно татарских мэзэках прежние герои заменяются Насретдином. Рождение новых мэзэков о Ходже можно

⁴¹ Эти циклы, конечно, не охватывают всей полноты мэзэков в татарском фольклоре. Среди их героев встречаются и такие имена, которые упоминаются только один или несколько раз, а также герои «безымянные» (один человек, один богач, один работник, один портной, один солдат, один старик, одна свекровь, одна сноха, один зять и т. п.).

⁴² Васильев М. Татарские версии анекдотов Ходжи Насретдина // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань, 1928. – Т. 34. – Вып. 1–2. – С. 143.

подтвердить материалами более позднего времени (например, цикл «Ходжа Насретдин на фронте» и пр.).

Второе – классификация мэзэков по идейно-тематическому принципу. В этом случае можно поделить их на две основные группы: 1) мэзэки социального содержания; 2) мэзэки на темы быта, семьи, морали.

Произведения, входящие в первую группу, разоблачают деспотизм, несправедливость, алчность, тупость, аморальность отдельных властелинов и представителей правящей верхушки (ханы, цари, визири, беки, баи, кадии и др.). В мэзэках социального содержания часто фигурируют образы-антиподы, находящиеся в постоянном противоборстве: Ходжа Насретдин и Хромой Тимур, Рахми Толмач и миллионер Длинный Ибрай, работник и богач и т. д. В отличие от большинства сказок, в таких мэзэках отрицательные герои не подвергаются физической расправе. Основное оружие положительного героя – остроумное слово. С его помощью он срамит своих недругов. Красноречивые примеры можно найти среди мэзэков о Ходже Насретдине, Рахми Толмаче.

Вторая тематическая группа мэзэков, как сказано, поднимает вопросы нравственности, общечеловеческой морали. Эти произведения высмеивают различные недостатки⁴³ и отрицательные качества (лень, глупость, ротозейство, скупость, неопрятность, враньё, незнание правил хорошего тона и поведения), встречающиеся в быту, характерах, поступках отдельных людей. Собственно, высмеивание бестолковости, невежества, скупости имеет место и в мэзэках с социальным содержанием. Однако над одним и тем же качеством можно смеяться по-разному (или зло, или с лёгким юмором). Идейная направленность мэзэков меняется в зависимости от персонажа. Скажем, во многих из них решительно осуждается воровство, обман. А вот в мэзэках, построенных на социальных противоречиях, дело обстоит иначе. Народ с явной симпатией изображает тех ловких воров или хитрых работников, которые «учат» богачей «уму-разуму».

И в анекдотах о Ходже Насретдине наблюдается нечто подобное.

В бытовых ситуациях, в семейной жизни Ходжа нередко сам служит объектом смеха, сам остаётся в дураках (вспомним, как он подрубает сук, на котором сидит; как стреляет из лука в свою рубашку, как отрубает хвост своему ослу и т. п.). Но стоит только появиться в анекдотах ханам, визириям, кадиям, тут же Ходжа превращается в самого хитрого и умного человека.

Даже внутри самих бытовых мэзэков степень смеха может изменяться в зависимости от того, кем является герой. Народ, высмеивая неряшливость, считает её наибольшим недостатком для молодых снох. Примеры более едкого осмеяния бестолковости в речи, неумения держать себя в гостях можно найти среди шуток о зятях.

Мэзэк, хотя и служит критике различных пороков, никогда не занимается морализированием. В поисках его отличия от таких жанров, как притча, басня, должно обращать внимание и на эту сторону. Притча, то есть поучительный рассказ, как и пословица, всегда используется применительно к какому-нибудь случаю, событию в жизни и указывает, как должен слушатель держаться в этой ситуации. В басне, как правило, из события выводится определённая мораль, для анекдота совершенно не нужны такие пояснения, выводы, поскольку они не могут органично войти в текст. Просветитель конца XIX века Таип Яхин попробовал добавить мораль ко многим напечатанным им мэзэкам. Но получилось это искусственно. Например, в мэзэке «Торговец» читаем такие добавленные от издателя строки: «В этом рассказе много намёков.

⁴³ Есть множество шуток о людях с физическими недостатками – слепых, глухих, косноязычных, хромых и др. Однако физический недостаток в народной эстетике не служит объектом смеха. В мэзэках калеки выступают как остроумные или хитрые, в роли положительных героев. Или же физический недостаток служит лишь для обнажения внутренней духовной ущербности персонажа. Например, косноязычные девушки разоблачают себя перед свахой из-за болтливости. Слова глухого «лодку чиню» в ответ на приветствие подвергаются осмеянию по причине незнания этикета.

Один из них: не радуйся, не хвались, что обманул ближнего, обманут и тебя самого. Хотя тебе покажется, что ты выиграл, обманув кого-то, в загробном мире будет большой урон».

Бесспорно, обман – большая провинность, поступок очень плохой. Но когда знакомишься с текстом мэзэка, это понятно само собой, без комментария: один торговец хвалится тем, что сбыв попорченное сукно. Но, оказывается, покупатель тоже объегорил продавца, дав ему фальшивые деньги. Осмеяние продавца-обманщика само по себе является средством разоблачения указанного выше дурного поступка.

Отрицательный герой в шутках обычно показан в каком-то одном своём качестве (или он страшно ленив, или ужасно скуп, или отъявленный враль, или беспросветный невежда, или неопикуемый хвастун). Для выпуклого показа этого качества часто используется гипербола.

К примеру, лентяй ленится даже кушать; враль за всю жизнь ни одного правдивого слова не молвил; нахал, увидя дым из трубы дома соседа, предвкушает сытный ужин за счёт этого соседа... Таким образом, в мэзэках действуют комические характеры, воплощающие определённое качество. Часто само имя героя указывает на основную черту его характера. Так, в татарском языке есть слово «мокыт», включающее в себя смысловые оттенки «глупый, непонятливый, несообразительный, бестолковый, безмозглый, тупой»⁴⁴. Популярный герой татарских мэзэков Мокыт является типом именно такого рода.

Хотя в бытовых анекдотах и не отражаются антагонистические противоречия, тем не менее в них широко используется приём противопоставления героев друг другу (старательный – нерадивый, знающий – невежда, щедрый – скупой и т. д.). Во многих шутках о Мокыте участвует его жена Джамиля туту*. Глупость, наивность Мокыта как бы подчёркнуты расторопностью, находчивостью Джамили.

В одной и той же шутке можно встретить не только образы-антиподы, но и образы, тяготеющие к одному типу, близкие друг к другу, взаимодополняющие. Таковы мэзэки о двух знаменитых ленивцах Ашти и Машти, Мэнди и его матери Гуляп джинги* и др.

* * *

Итак, мэзэк – это жанр, возникший в древние времена и продолжающий свою активную жизнь и в настоящее время. В мэзэках, созданных в советский период, бросается в глаза некоторое изменение состава персонажей и тематики жанра. Если в старых мэзэках часто встречающимися персонажами были ханы, цари, визири, богачи, кадии, муллы и противостоящие им находчивые мужики, хитрые работники или такой популярный герой фольклора, как Ходжа Насретдин, то в новых появляются образы колхозников, агрономов, студентов и школьников и др. В новых шутках-мэзэках большое место занимает хозяйственно-бытовая тематика, учёба, отношения в семье, в них разоблачаются такие пороки, как безответственное отношение к делу, равнодушие, нерадивость, пьянство. В настоящее время идейно-эстетическая ценность жанра мэзэка в значительной степени определяется его ролью в морально-нравственном воспитании.

Хузиахмет Махмутов,
доктор филологических наук,
профессор

⁴⁴ Татарско-русский словарь. – М., 1966. – С. 375.

I

Властелины, суд и правление

1. Если бы государство не было слепым...

Хромой Тимур вторгся в Поволжье и взял город Булгар, захватил много золота-серебра и пленных. «Есть ли среди захваченных мудрецы?» – спросил он. Ему рассказали, что есть в этом городе слепой поэт, великий мудрец. Тимур повелел привести его к себе.

Слепой поэт, играя на домбре, пел о знаменитых болгарских батырах, воспевал роскошь Булгара. С удивлением прослушав его, Хромой Тимур спросил, как его зовут.

– Моё имя – Давлет*, – ответил поэт.

Хромой Тимур был остроумным человеком. Он усмехнулся:

– Так, значит, государство слепым оказалось?

– Да, – согласился поэт, – если бы государство не было слепым, не досталось бы оно хромому.

2. Кто дурень

Однажды хан и Жиран-чичен* выехали верхом на конях в степь. Была осень. Ветер гнал перекасти-поле. Желая испытать остроумие Жирана, хан приказал ему:

– Ступай, догони перекасти-поле и узнай, куда направляется, где думает остановиться.

Жиран погнал коня, поравнялся с перекасти-полем и остановил его рукояткой камчи. Быстро наклонился к нему, будто о чём-то спрашивая, и вернулся обратно к хану с ответом:

– Он сказал: ты ли дурень, что навязался с вопросом, хан ли дурень, что послал с вопросом. Куда перекачусь – знает ветер, где заночую – знает лощина.

3. Которого отца привести?

Жил-был во времена ханов тархан* Курай. Любил он выставлять себя очень богатым человеком. Однажды он сказал своему работнику:

– Отныне мой приказ такой: как только я велю тебе что-нибудь поднести гостям, ты спроси: «Которое принести?» Спросишь так, и гости подумают, что много всякой всячины.

Работник ответил:

– Повинуюсь, мой тархан. Теперь, если вы прикажете что-нибудь принести, я буду спрашивать, как вы велели.

Однажды тархан созвал гостей. Когда все приглашённые собрались, тархан приказал работнику:

– Ступай, приведи сюда моего отца.

Работник подумал немного и спросил:

– Которого отца привести?

4. Делящему три гуся, да и то мало

В давние времена вышли на охоту ханский сын, сын бея* и сын бедняка. Настреляли они за целый день лысуху, чибиса и трёх гусей. Просят ханского сына поделить добычу. Нет, не умеет. Тогда к сыну бея обращаются. У него тоже не хватает смекалки.

– Давай ты дели, – велят они сыну бедняка.

– Что ж, поделю, – соглашается бедняцкий сын. – Разделим по совести вот так: ханскому сыну – лысуху, сыну бея – чибиса, делящему – трёх гусей, да и то мало.

И он забрал себе трёх гусей, а его спутники остались с разинутыми ртами.

5. Почему они не едят плов?

Бухарскому эмиру* донесли:

– В нынешнем году в Поволжье недород, люди голодают, мрут от голода.

Услышав эту весть, эмир удивился:

– Почему же они не едят плов?

6. Как движется ишак?

Один мурза*, ехавший верхом на чистокровном скакуне, повстречал старца, который ехал на ишаке.

– Как передвигается ишак? – спросил мурза.

Старец, не раздумывая, ответил:

– На коне.

7. И я пропал, и царю не сладко

Вот однажды начали в деревне брать подать, кто был не в состоянии заплатить, у тех описывали имущество, складывали в караульное помещение. Стали забирать подушку у дядюшки Мокыта. Вцепился он в свою подушку, и та порвалась, только перья по воздуху летят. Подушку всё-таки отняли, унесли. Дядюшка Мокыт идёт по улице, ладонями по ляжкам хлопает, приговаривает:

– И я пропал, и царю не сладко!

– Как так? – спросили у него.

– А вон, глядите: царь докатился до того, что даже моей рваной подушке рад!

8. Кто из нас царь?

Царь поехал в город. Встретил по пути крестьянина, к себе посадил, чтобы тот дорогу показывал. В дороге крестьянин говорит:

– Увидеть бы царя. Да как его опознаешь?

Царь отвечает:

– Увидя царя, все люди снимают шапки и падают на колени. Так и опознаешь.

Въехали они в город. Все люди снимали шапки и бухнулись на колени.

Крестьянин молвил:

– Только мы с тобой в шапках остались. Стало быть, один из нас царь.

9. Царь и предсказатель

Царь спросил у предсказателя:

– Когда я умру?

– В праздник.

– Откуда ты знаешь?

– Ясно без всякого знания. День вашей смерти станет самым радостным из всех больших праздников, – ответил вещун.

10. Секрет в том, как скажешь

Однажды царь увидел во сне, что у него выпали зубы. Толкователь снов ему объяснил:

– Все твои дети, все твои родичи умрут раньше тебя.

Царь разгневался, приказал заключить вещуна в темницу. На другой день пригласил толкователя снов из другого города. Тот объяснил сон так:

– Будешь жить ты дольше всех своих детей и всех своих родственников.

Обрадовался царь этим словам. Наградил снотолкователя множеством подарков, деньгами и взял к себе на службу.

11. Кому досталось царство

У одного царя было несколько сыновей. Царь, состарившись, созвал сыновей своих и сказал:

– Кто окажется самым отъявленным лентяем, тому достанется царство.

Каждый на свой лад стал доказывать, какой он лентяй. Один из сыновей сказал:

– Когда я ложусь спать, мне лень закрывать глаза.

Говорят, царь оставил царство этому сыну.

12. «Знакомство»

Как-то раз вышел царь на прогулку со своими приближёнными. Отстал он где-то от своих, один остался. Встретился ему старик. Царь спрашивает у него:

– Ты откуда, старче?

– Из этого города я.

– Каковы правители этого города? – спросил царь.

– Правители наши ужасно жестокие, притеснители, – ответил старик.

– А что про царя скажешь?

– В нашем городе ещё не было столь гнусного тирана. Спалил город своим гнётом.

Царь сказал:

– Узнаёшь меня, кто я?

– Нет, не узнаю, кто ты?

– Я царь этого города.

– А кто я, меня ты узнаёшь? – спросил старик.

– Нет, не узнаю.

– Я, – сказал старик, – меджнун*, сын такого-то. Беснуюсь, как сейчас видишь, два раза на дню.

Царь засмеялся и ушёл.

13. Нет худа без добра

Когда один из царей подготовился к войне, прибыл воин и сказал:

– О мой повелитель! У врагов наших тьма-тьмушая воинов. Если каждый выпустит по одной стреле, то всё небо закроют.

Царь ответил:

– Очень хорошо. Будем сражаться в тени.

14. Вот где диво!

Утром заходит к царю визирь* и докладывает:

– В наш город прибыл фокусник. Сказывают, глотает нож целиком.

Царь ответил:

– Это не диво. А вот один из моих визирей целый мой флот «проглотил». Вот это действительно диво.

15. Какой совет даёт памятник?

В Петрограде есть памятник Петру Первому. Одной рукой он на сенат показывает, а другою – на Неву-реку.

Подходит к памятнику один человек и долго разглядывает.

– Что разглядываешь? – спрашивают у него.

Он отвечает:

– С умом был человек, который памятник этот строил. Руками показывает: чем в сенат своё прошение подавать, лучше в этой реке утопиться.

16. Не нашлось мелочи

Один дядька, прибыв в Петербург, спрашивает у матроса:

– Где тут вокзал?

Матрос указал на полицейского:

– Спроси вон у того чурбана.

Дядька, не успев сообразить что к чему, подходит к полицейскому и спрашивает:

– Чурбан, где вокзал?

– Ах, ты такой-сякой, оскорбляешь человека на посту. Плати штраф!

– Сколько?

– Три рубля.

– За одно-то слово?

– Так точно!

Дядька вынимает из кармана десятку и протягивает полицейскому.

– Нет мелочи для сдачи, – говорит полицейский.

– Нет так нет, чтоб тебе провалиться. Чурбан, чурбан, а на рубль – собака!

И дядька ушёл.

17. Хворь пройдёт, привычка останется

Земскому начальнику встретился на пути крестьянин с телегой. Крестьянин дороги не уступил, и кучер стал браниться. Крестьянин говорит:

– Эй, дружище, я бы посторонился, да никак нельзя. Коня я недавно купил у земского начальника. Не приучен он дорогу уступать.

18. Что говорит карман

Однажды два человека пришли к казию*. Ответчик незаметно, чтобы другие не видели, показывает на свой карман. Казий подумал, что там есть деньги, и объявил этого человека невиновным.

После суда казий говорит этому человеку:

– Ну, давай свои деньги!

– Какие деньги?

– Так ведь ты же сам показывал на свой карман!

– А-а! В кармане у меня лежал камень. Я решил, если ты объявишь другое решение, этим камнем треснуть тебя по башке.

19. Кто превратился в овцу?

Много лет пас пастух овец бая* и, поскольку никакой пользы от него никогда не видел, замыслил одно дело и пришёл к судье:

– Я продам полстада, деньги поровну поделим, ты меня защити на суде.

Судья изъявил согласие и предупредил:

– О чём ни спросят тебя на суде, ты отвечай только: «Мэ-э-э...»

Пастух так и поступил. Не добившись от пастуха ни слова, судья обратился к баю:

– Сколько лет он служит у тебя пастухом?

– Двадцать лет, – отвечает бай.

– Многовато, – проговорил судья. – За это время он сам в овцу превратился, и ты ничего от него не получишь.

Когда суд закончился, судья позвал пастуха:

– Я тебя защитил, давай деньги поделим.

– Не ты ли сам сказал, что я в овцу превратился? А с животного взятки гладки!

20. Книга бессильна

Когда один мулла* исполнял должность казия, у него спросили:

– Таксир*, корова забодала насмерть другую корову. Что делать?

– Владелец бодливой коровы должен возместить стоимость жертвы, – отвечал казий.

– А если бодливая корова принадлежит казию?

Казий прокашлялся и сказал:

– На этот вопрос книга не даёт ответа.

21. Что говорит книга в зелёном переплёте?

В одной деревне жили вместе русские и татары. Был в деревне и мулла. У околицы стояли его необмолоченные стога. Рядышком стог русского Ивана.

Однажды Иван видит: корова муллы разворошила его стог, жуёт. Иван прогнал корову и направился к мулле. По дороге думает:

– Пстой-ка, если правду скажу, не заплатит за снопы. Скажу обратное.

Пришёл он к мулле и говорит:

– Моя корова потравила твой стог, что будем делать?

Мулла раскрыл книгу в красной обложке и дал ответ:

– Наша книга говорит: за один сноп надо два снопа платить. Заплатишь.

– Тогда пойдём, снопы посчитаем, – предложил Иван.

Отправились. Пришли на место. Иван спохватился:

– Ах, мулла абзый*, оказывается, не моя, а твоя корова потоптала мои снопы. Что будем делать?

Мулла не растерялся:

– Пойдём прочитаем, что говорит книга в этом случае.

Пришли обратно к мулле. Мулла раскрыл книгу в зелёной обложке:

– Наша книга говорит: надо стог городить!

22. Приговор доведён до конца

Однажды бык одного человека засунул голову в бочку соседа и никак не мог вытащить обратно. Этот человек и сосед пошли к судье.

Судья велел сначала отрезать быку голову, потом разбить бочку и вытащить бычью голову.

– Теперь никто никому не должен? – спросил судья.

23. «Барабанщики»⁴⁵

До революции у одного помещика работали барабанщиками на молотилке трое татар. Однажды напились они и в полицию угодили.

Следователь расспрашивает каждого из троих по очереди:

– Где работаешь?

– У Минахмета бая, – отвечает первый.

– Кем?

– Барабанщиком.

Следователь занёс показание в протокол и стал задавать вопросы следующему:

– Где работаешь?

– У Минахмета бая, – отвечал второй.

– Кем?

– Барабанщиком.

Третий также сказал, что работает у того же бая барабанщиком. Следователь несказанно удивился, вскочил с места и заорал:

– Шайтан вас заberi! Что это за оркестр? Вы все в нём барабанщики!

⁴⁵ Барабанщик – тот, кто работает у барабана различных механизмов.

II Богатство и бедность

24. Толщиной с Коран

В одном магазине на Сенном базаре ведут разговор о богатстве Ибрагима бая*.

Один из собеседников, хаджи*, говорит:

– Весьма богат. Давеча был я у него. На столе тетрадь, вот без обмана, толщиной с афтиак* будет. Полным-полно записей. «Что за тетрадь?» – спрашиваю. «Сколько люди мне должны, то записано», – отвечает. Точно, с афтиак будет толщиной.

Оказавшийся тут Рахми Толмач* заметил:

– Нашли чему удивляться: ему должны с афтиак, а сам он должен толщиной с Коран.

25. Не дотянешься до месяца

Когда казанский миллионер Длинный Ибрай сильно болел, проведать его пришёл Рахми Толмач. Ибрай, выражая свою безнадёжность, сказал:

– Не знаю, как я хоть до месяца протяну.

Рахми махнул рукой как на что-то несущественное:

– Не сможешь ты до месяца, умрёшь.

В следующем месяце Рахми снова пришёл навестить его. Ибрай уже поправился, был на ногах. Он высказал свою обиду на Рахми:

– Ты говорил, что я до месяца не дотяну, вот, слава Аллаху, я уже на ногах.

Рахми возразил:

– Раз ты бай, считаешь, что до месяца дотянулся, нет, дядя Ибрай, хоть ты и на ногах, но до месяца всё равно не доберёшься.

Только тут Ибрай сообразил, что тот имел в виду месяц на небе.

26. Кому как

Как-то раз Ибрагим бай спрашивает у Рахми Толмача:

– Рахматулла, ты вот разные медицинские книги читаешь, скажи-ка мне, в какое время лучше всего кушать? Что об этом профессора думают?

Рахми отвечает ему:

– Я тебе и без профессоров скажу. Богатому лучше кушать, когда желание придёт, а бедному – когда деньги в кармане есть.

27. Жена бая

Жена бая попросила мужа привезти отрез на платье:

– Только такой купи, чтобы товара подобного качества не было ни у кого!

Бай привёз требуемое. Об этом прослышал один бедняк, затейник. Он купил точно такой же ситец, поменьше, конечно, прикрепил к штанине и стал разгуливать по улице.

Как оскорбилась, как вознегодовала жена бая, увидев эту картину!

– Ты приносишь вещь, которую бедняки покупают на штаны!

Сказав это, она порвала и выкинула новое платье.

28. Бесхитростная подруга

Разболелась жена бая, и подруга пришла проведать её.

– Что же болит у тебя, подруга? – спросила она.

– На неприглядное место чирей вскочил, – пожаловалась жена бая.

– Так ведь у тебя на лице ничего такого нет! – удивилась подруга.

29. Гоняет взад и вперёд

Один бай предложил малоимущему человеку:

– Иди ко мне подёнщиком, по крайней мере, мясной суп досыта будешь есть.

Человек ответил:

– Мой молочный суп гоняет взад и вперёд твой мясной суп.

30. Смирив свою гордость

Бай пригласил одного человека. Тот не пришёл. Баю ничего не оставалось как пойти самому.

– Не идёшь, когда зовут. Я сам пришёл, смилив свою гордость, склонив свою высокую голову.

– Разве я виноват, что у тебя голова большая? – последовал ответ.

31. Не голову бережёт, а имущество

Один бедняк и трое богатеев остановились на берегу глубокой реки. Нужно было на ту сторону переправляться. Бедняк разделся, взял в руку одежду и переплыл на другую сторону. Богачи решили сесть на бревно и таким манером добраться. Когда достигли середины реки, бревно перевернулось, и «пассажиры» бултыхнулись в воду, только ноги из воды торчат. Бедняк, который стоял на берегу и наблюдал происходящее, засмеялся:

– Смотри-ка, богатый человек не голову бережёт, а имущество. И эти вон – плывут и сушат свою обувь.

32. Разные цены

У магазина спор разгорелся: какая вещь лучше – дорогая или дешёвая? Бедняк сказал:

– Дорогая вещь лучше, она долго служит. Да только наших денег на неё не хватает.

Богач возразил:

– Дешёвая вещь лучше, потому что, позарившись на дешевизну, её покупают и те, кому она не нужна.

33. Посылает, да не тебе

Перед новым урожаем у крестьянина не осталось в доме муки, хоть в сусеки дуй, ничего не выдуешь. Дети начали голодать, и жена бранит мужа: «Что же это за жизнь?»

Муж не выдержал, пошёл к баю, принёс домой пуд муки. Взял с условием вернуть два пуда муки. Радостный, он утешал жену:

– Зря огорчаешься, Бог не забывает рабов своих, посылает им.

Жена, хорошо понимая условия долга, ответила:

– Посылать-то посылает, да не в наши руки, а через богатых.

34. Собак таскай и деньги добывай

Казанский миллионер Ибрагим бай на лодке переплывал Волгу. Когда плыл вдоль берега, один паренёк накинул аркан и стал тащить лодку.

Ибрагим сказал:

– Эй, мальчик, что мучаешься, в лодке много места, залезай, сам будешь грести.

– Нет, дяденька бай, мой отец говорил: «Собак таскай да деньги добывай, но к чужой лодке не подгребай». Так и быть, поташу, денег дадите.

35. По дырке и заплатка

Приехал богач на Мензелинскую* ярмарку с красным товаром⁴⁶. Спешит открыть лавку, пока народ соберётся. Однако слуга таскает по свёртку, поэтому товар разгружает очень медленно. Богачу это не по нраву. Он кричит:

– Нужно скорее открыть лавку. Почему не торопишься, только по одному свёртку поднимаешь?

Слуга отвечает:

– Я ведь утром съел только одно яйцо. По дырке и заплатка, по приношению и вознаграждению.

⁴⁶ Красный товар – ткани, мануфактура.

36. После ужина

Один богач нанял подёнщиков работать за харчи. «Если один раз в день кормить, – подумал он, – дешевле обойдётся». Поэтому он предложил:

– Ребята, нельзя всё время только жратвой заниматься. Лучше будет, если вы съедите сразу и завтрак, и обед, и ужин.

Работники быстро справились с поставленной перед ними едой. После этого старший сказал:

– Вот что, бай, после ужина спать укладываются. Мы, пожалуй, так и сделаем.

37. Завещание

Помещик перед смертью завещал:

– Есть у меня два пропавших быка. Коли сыщутся, пусть достанутся моему сыну. А не сыщутся – отдадите моему любимому работнику.

38. Изобретательный пастух

Жена бая во время чаепития давала пастуху сахар, предварительно расколов на мелкие кусочки. Пастух терпел долго и, наконец, решил подшутить. Пока жена бая ходила туда-сюда, он взял сахар величиной с горошину и привязал ниткой к самоварному крану.

– Зачем ты так сделал? – удивилась жена бая.

– Боюсь, как бы муха не утащила, – ответил пастух.

С этого дня перед пастухом стали класть куски сахара покрупнее.

39. Какая борода хорошая?

Один купец с рыжей бородкой решил прилюдно посмеяться над своим безбородым работником.

– Почему у тебя нет бороды, бабай*? – сказал он работнику. – Мусульманину не приличествует ходить безбородым.

– Грешен я, бай эфенди*, – ответил работник. – Пришлось с запозданием явиться туда, где раздавали бороды. Когда я пришёл, чёрные бороды уже разобрали. Ведомо мне, что рыжие люди – бестолочь, поэтому я не пожелал взять себе рыжую бороду. Как видишь, вернулся ни с чем.

40. Не возносись

У одного татарского бая долгие годы работал батрак-чуваши по имени Микиш. Однажды бай созвал на трапезу мулл, баев. Когда застолье было в разгаре, вошёл Микиш по делу. Увидя его, бай разгневался. Да и одежда на батраке была плохонькая.

– Чего ты суёшься, пьяный, что ли? – крикнул бай.

Микиш ответил:

– Нет, хозяин, я нисколько не пьян. С того самого дня, как мы с тобой, напившись, валялись на земле, в рот ни капли не беру.

При этих словах бай покраснел, как кумач.

41. Старательный работник

Бай послал работника на базар, велел купить картошки, мяса, масла. Работник ходил на базар трижды. Бай рассердился:

– Толку в работе не знаешь!

В другой раз бай захворал и послал работника за доктором. Работник позвал заодно врача, муллу* и несколько человек с лопатами, привёл всех вместе.

Бай вытаращил глаза:

– А этих-то зачем?

– Если врач убьёт своими лекарствами, мулла прочтёт отходную, а эти – закопают. На этот раз я выполнил сразу несколько дел, – ответил работник.

42. Молодечество

В старые времена хозяин дал своему работнику посудину и велел принести керосин, чтобы доверху было налито.

– А деньги? – спросил работник.

– За деньги принести не молодечество. Так всякий сумеет, – ответил хозяин.

Работник ушёл. Вернувшись через некоторое время, поставил перед хозяином пустую посудину.

– А керосин где? – спросил хозяин.

– Засветить лампу с керосином всякий сумеет. Это не молодечество. А ты попробуй зажги без керосина, – ответил работник.

43. Отчего хорош дырявый армяк?

В зимний студёный день деревенский богач приходит к крестьянину-бедняку и говорит:

– Еду в город продавать хлеб, поедешь со второй лошадыю.

Бедняк согласился.

Тронулись в путь. У бая зуб на зуб не попадает от холода, всю дорогу дрожит-трясётся.

А крестьянин и в ус себе не дует, спрыгнет с саней да пробежится.

– Слушай-ка, как тебя, Хафиз, – окликнул бай. – Я хотя в тулупе и в валенках, а мёрзну.

На тебе же рваный армячишко, на ногах лапти. Сидишь, как на печке!

– Холод в одну дырку армяка входит, а из другой выходит. А у тебя, бай абзый*, входит, а выйти не может, – ответил крестьянин.

44. Купив за шесть, продай за пять

В старые времена двум братьям очень захотелось разбогатеть. Продали они своих коров и решили заняться торговлей. Несутся на один базар, на другой. Возвращаются они как-то с базара, и младший из братьев хвастается каждому встречному-поперечному:

– Вот это прибыль!

Старший брат начал считать выручку, и глаза на лоб полезли: половины вырученных денег от продажи коров и не осталось!

– Прибыль-то прибыль, да где чёрная корова? – спросил старший брат.

Младший и виду не подал:

– Не огорчайся, брат. Купи за шесть, продай за пять. Глав-ное – себя купцом назвать.

45. Два торговца

У торговцев перебранка:

– Прежде чем ты меня продашь, я тебя десять раз продам!

– Правду ты молвил, меня-то продать можно, а вот тебя попробуй продай. Даже за копейку не возьмут.

46. Хоть у богача крив рот, да слово прямо

Бедняк-крестьянин:

– Подвесил под крышу клети семена конопля, для посева, значит. Откуда, скажи, птицы учуяли? Опустошили порядком. Ежели б я не спохватился, всё бы вчистую проклятые уничтожили.

Слушающие:

– Будет тебе заливать. Разве птицы клюют подвешенные семена?

Деревенский богатей:

– Поднял я и поместил на крыше коровника новенький сошник. Прожорливые птицы исклевали его по краям, в негодность привели.

Слушающие:

– Бывает, бывает! Много их летает около коровника, лакомились, видать, проклятые.

47. Сладкоречивый подхалим

В прежние времена один казанский бай собрал своих работников и задал такой вопрос:

– Ну-ка ответьте, почему у меня брюхо толстое?

Работники высказывали догадки: дескать, от рождения такое или от болезни. Ни один из ответов баю не понравился.

Был среди работников подхалим. Он сказал:

– Бай эфенди, у вас ума палата. Со временем ум перестал уместаться в голове, спустился в брюхо, вот его и распирает.

48. Не заплатишь

Один богатый человек шёл с фонарём в руке поздно ночью по окраинной улице города, где живут бедняки. Старуха, сидевшая у окна, увидела его и попросила:

– Мой эфенди, не подержите ли ваш фонарь у моего окна?

Я только пришью заплатку.

– Я бы подержал, только ведь ты за свет не заплатишь, бабушка, – ответил бай.

49. Беспечальный человек

Когда царь заболел, доктора посоветовали:

– Чтобы исцелить царя, нужно надеть на него платье беспечального человека. И царь выздоровеет.

Ко всяким обращались: к царям, к богачам. Но у каждого находилось какое-нибудь горе. После долгих хождений набрали на старика, который шёл из лесу с вязанкой дров за спиной. Сел старик на вязанку и с наслаждением затянулся самокруткой.

– Бабай, мы ищем беспечального человека. У тебя есть какое-нибудь горе? – спросили у него.

– Горе? Какое же у меня горе?! Нет никакого.

– Нам нужно платье беспечального человека. Отдай нам свою рубаху.

Старик в ответ:

– Я не в состоянии купить себе рубаху, армяк на голое тело надеваю.

50. Полно добра

Однажды у Мокыта* ухудшились дела. Украла у него в тот год сивую кобылу. И дом обветшал, сквозь щели холод проникал, и дрова кончились. Тут шури́н заехал к ним по пути на базар. Что же он видит: окна дома Мокыта промёрзли насквозь, возле дома дров не видно, сквозь щели в дом со свистом мороз пробирается. «Ох, тут нестерпимый холод, я не высижу, ладно, вернусь вечером», – подумал шури́н и ушёл на базар.

Жена Мокыта, тётка Джамиля, крепко-накрепко наказала Мокыту, чтоб он её не позорил, нищеты не показывал. Мокыт, не желая, чтоб шури́н узнал положение семьи, очень постарался.

К возвращению гостя с базара и дом прогрели, и самовар фырчал и кипел. Тётка Джамиля поскребла по сусекам и собрала на стол.

Шури́н обрадовался.

– Дома тепло стало, вы купили дров? – спросил он.

Мокыт, не подавая вида, небрежно бросил в ответ:

– Раз в доме полно добра, всегда найти можно. Мы разобрали угол дома и затопили печь.

51. Жить равномерно

В прежние времена один бедняк всё жаловался: не проживёшь никак равномерно. Другой бедняк спросил у него:

– Как это так, не прожить равномерно?

Первый ответил:

– А так: чай у меня есть, сахара нет, достану сахар, чаю не бывает.

Второй сказал:

– А у меня нет ни чаю, ни сахару. Я живу равномерно.

52. Разве мы бедные?

Раньше некто, желая разбогатеть, занялся куплей-продажей. Богача из себя строит. Однажды у него остановился проездом почтенный человек из соседней деревни. Хозяин поручил своему сыну распрягать коня гостя. А у сына нет одежды, чтобы во двор выйти.

– Что, одежду не найдёшь? Разве мы бедные? Надень шубу матери! – крикнул хозяин, топнув ногой.

53. И виду не подаёт

Некто отделился, ставит новый дом.

– Чем дом крыть будешь? – спросили у него.

Тот человек не хотел показать свою бедность.

– Отцы-деды соломой крыли. Негоже нарушать этот обычай, – ответил он.

54. Нужда-дедушка

В один из студёных зимних дней решил мужик послать в лес младшего сына.

– Отец, как же мне одному срубить дерево и погрузить дрова? – встревожился сын.

Отец успокоил его:

– Не волнуйся, сынок. Нужда-дедушка поможет.

Сын отправился в лес. Пришёл, оглядывается: не видать Нужды-дедушки. Нет и нет.

– Нужда-дедушка, я пришёл, поторапливайся! – закричал парнишка.

Не видать Нужды-дедушки. День к вечеру клонится, паренёк стал мёрзнуть. «Не придёт, видно, дедушка», – решил он и принялся за работу. Срубил высокое, большое дерево и, насилу распилив его на части, погрузил на сани, привёз домой. Пожаловался отцу:

– Не пришёл Нужда-дед, мне самому пришлось помучиться.

– Эх, сынок, – промолвил отец, – вот эти твои мучения и есть Нужда-дедушка.

55. Не вынесла счастливой жизни

Один парень, как водится, женился. Молодая жена немного пожила и сбежала. Соседи, озадаченные, спрашивают у молодого мужа:

– Отчего жена твоя ушла?

– Счастливой жизни не выдержала. У меня не нужно чуть свет корову доить, стадо выгонять, за яйцами лазить на насест. Не требуется суп варить, жариться-париться возле казана – живи в своё удовольствие. Не вынесла жена счастливой жизни.

Приходят к нему, смотрят – он, оказывается, гол как сокол.

56. Сподручно

Шакирд*, возвращаясь летом из медресе*, зашёл к одной старушке переночевать. День выдался жаркий, а на шакирде азым*. Старуха пожалела парня:

– Ох, сыночек, как ты не упаришься?

– Он же без подкладки, – ответил шакирд.

По пути в медресе, в зимнюю стужу, шакирд снова зашёл к этой старухе. На нём тот же самый азым. Бабушка пожалела, спросила:

– Ох, сынок, как ты не замёрзнешь?

– Он из сукна, бабушка, – ответил шакирд.

57. У соседей ещё имеется

Один дядька отправился в соседнее село в гости. Своя одежда была обтрёпанная, взял на время у соседа азам. В гостях расхваливают:

– Ну и азам, ай да азам!

Дядька не растерялся:

– Хе, стоит ли удивляться, у соседей ещё один такой остался!

58. В печёнках сидит

Один нищий умирал, и около него собрались люди.

– Эй, такой-то, плохо твоё состояние, выскажи свой иман*, – обратились они к нему.

Бедняга воскликнул:

– Ох, даже на смертном одре надоедают с этой иманой*.

59. Не нам ли несут?

Шёл нищий со своим сыном и видит: женщина громко плачет, провожая покойника: «О мой хозяин, тебя несут в дом без окон, без дверей, несут в дом, где нет мягкой постели и мебели, где нет еды и вина».

Сын нищего спросил у отца:

– Пап, а пап, не в наш ли дом его несут?

60. Своих хлопот полон рот

Бедняк зашёл к зажиточному человеку. Тот спросил:

– Ну, как дела, что есть, чего нет?

А дело было зимой. Бедняк ответил:

– Коль спросишь, что есть, – на дворе есть мороз. А спросишь, чего нет, – нет дров для печки, нет денег купить дров.

61. Два зимогора*

Когда наступила осень, два зимогора возвратились в деревню перезимовать. Один голый, в чём мать родила, на другом накинута рогожа.

Голый ёжится под холодным дождём:

– А-а-х-х!

Товарищ жалеет:

– Трудно без одёжки, в прошлый год я сам мучился, дружок.

62. Задарма работать

В дом нищего проник вор. Искал-искал, ничего не нашёл, пошёл к выходу. Хозяин дома ему говорит:

– Эй, вор, как выйдешь, дверь за собой закрой.

Вор ответил:

– Ты полагаешь, что я украл то, чего нет, и хочешь заставить меня зазя трудиться?

63. Бесплезное дело

К нищему забрались воры, ищут, чего бы утащить. Хозяин дома заметил и спрашивает: «И, ребята, что шарите ночью? То, что вы ночью ищите, мы здесь и днём с огнём не нашли».

64. Желанный вор

Двое нищих легли спать на одной лежанке. В доме есть только то, на что лечь и чем покрыться. Когда они лежали, в дом зашёл вор. Один нищий другому шепчет на ухо:

– В дом вор залез.

Второй предлагает:

– Давай я заору истошным голосом. Авось со страху что-нибудь обронит.

65. С попутным ветром

В царские времена было много нищих. Четверо-пятеро подобного рода людей собрались утром в караульном помещении, стали обсуждать: кому в какую деревню шагать.

Один из нищих сказал:

– Вы в какую угодно деревню идите. а моя одежда до того излохматилась, что я могу идти только с попутным ветром.

66. Хожу подряд

Один человек посоветовал нищему:

– Чем так ходить, срамиться, пошёл бы ты к баю.

Нищий в ответ:

– Я не волен выбирать богатого-бедного, так что хожу подряд ко всем.

67. Был бы я начальником

Двое бедняков сидят, разговаривают. Один другого спрашивает:

– Кем бы ты стал?

Тот отвечает:

– Стал бы я начальником большим – да питаюсь супом крупяным, сделаться бы мне головой – да хожу в одежде плохой.

68. Недостигаемая мечта

Разговор у ворот. Одного дядьку спрашивают:

– Если бы, как в сказке, ты стал вдруг царём, что стал бы делать с самого начала?

– С самого начала? Стал бы в озере Карасихе варить похлёбку, помешивая оглоблей, и всю бы скушал, пока не кончилась.

69. Будь крупа, сварили бы кашу

Бедняки перебивались одной картошкой. Однажды муж вернулся из лесу голодный. Жена, как обычно, поставила перед ним картошку. Муж заворчал:

– Опять картошка.

Жена сказала:

– Будь молоко, будь крупа, сварили бы кашу, вот только масла нет. А соль можно и у соседей попросить...

70. Что на уме, то на языке

В царские времена бедняки, муж и жена, решили наняться к богачу в работники. Вышли в путь. Путь предстоял долгий, проголодались. Жена говорит:

– Когда же доберёмся? Накрошила бы я хлебушка в молоко и поела бы, помешивая.

– Почему ты уже сейчас начала помешивать? – крикнул ей в ответ муж. – День жаркий, путь долгий, прокиснет ведь молоко!

71. Всё равно какая сторона

В давние времена нищий вышел в дорогу в сильный буран в соседнюю деревню. Немного погодя его нагнал конный, посадил к себе на коня. Ветер дул встречь, поэтому конь шагал с трудом. Конный выругался:

- Не напрасно говорят, нищему и ветер навстречу!
- Не беда, завори коня вон к той деревне. Мне ведь всё равно, в какую деревню ехать.

72. Что вышло?

Скончался один человек, запутавшийся в долгах. В то время, когда его ребёнок горько плакал, явился один из кредиторов и обратился к ребёнку:

– Не плачь, детка... Сколько чего вышло у отца?

Ребёнок огорчённо ответил:

– Чему выходить-то! Сначала вышла душа, потом – похоронные дроги, наконец вышли такие вот, вроде вас, кредиторы.

73. «Причина»

Квартирант:

– Слышь, когда крышу покрывать начнёшь?

Хозяин дома:

– Скоро.

Квартирант:

– Как можно быстрее это сделай: дождь пойдёт – все промокнем.

Хозяин дома:

– А-а, оказывается, у вас зонтика нет.

74. Зачем таскать

Сын старика вернулся из дальних краёв. Попили чаю, о житье-бытье поговорили. Потом отец спросил:

- Ну, сынок, как с деньгами? Удалось принести немного?
- Я бы принёс, да пользы никакой, – сказал сын.
- Что значит, пользы никакой?
- Почём здесь рубль?
- Почём, спрашиваешь? Рубль приходится на рубль.
- А раз так, зачем же тогда издалека рубль сюда таскать? – ответил сын.

III Духовенство

75. Ему доверия нет

Бедный деревенский дядька тащит из лесу тележку с дровами, из последних сил выбирается. Навстречу ему мулла* деревенский:

– Аллах* в помощь! – кричит.

Бедняк разгневался:

– Твой Аллах нисколько не поможет. Самому мне напрягаться приходится.

76. Критика «снизу»

Одна бабушка держала козу. У соседа был ишак. Сосед крал сено, принесённое для козы, скармливал своему ишаку. Старуха воззвала к Богу:

– О Боже, сделай так, чтобы ишак Габдуллы сдох.

С ишаком ничего не случилось, сдохла голодная коза. Тогда старуха снова обратила взоры к небу:

– О Боже, какой же ты повелитель, коли ишака от козы не отличил!

77. Уж если не везёт, то не везёт

У одного человека утащили сундук. Один из знакомых сказал ему:

– Вот если бы ты положил туда аятулькурси*, не украли бы.

Человек ответил:

– Ей-богу, внутри был целый Коран!

78. Верит небылице

Одному старику пришлось в ледоход переплывать на лодке Волгу. Страшно старику стало, и дал он зарок: если живым-невредимым перейдёт, то отдаст милостыню рубль.

Проплыл половину Волги, и опасность вроде меньше. Старику жалко денег, думает: «Я и так, пожалуй, перескачу. Не дам денег». Тут со всех сторон льды поднажали и стали теснить, раскачивать лодку. Старик не на шутку испугался, закричал:

– О Боже, верит небылице. Дам, дам! Право, ты уж невесть чего подумал!

79. Прегрешение левой ноги

Сноха, встав поутру, стала рассказывать сон:

– Видела я во сне свёкра. В рай его будто впустили, только его левая нога почему-то осталась перед райскими воротами.

Поднялось беспокойство, пошли догадки:

– Как же это так? Почему левую ногу не впустили?

Все домашние долго ломали голову. Меньшой мальчишка хлопнул себя по лбу и воскликнул:

– Ага, угадал! Ещё перед тем, как умереть, дедушка снял с соседнего плетня лапоть и надел на левую ногу – его-то собственный лапоть прохудился. Вот почему не впустили левую ногу...

80. Какой он, рай?

Проснулся дядя Степан и рассказывает сон:

– Сегодня во сне дядю Ивана видел. Попал он в рай, уселся в углу и знай себе жмурится, трубку курит.

81. Если бы ад был жарким

Отец и сын пасут стадо, днём разжигают костёр и пекут картошку. Сын хватает картофелину и обжигает руку.

– Отец, в аду тоже так жарко?

– Хо, если бы там было так жарко, попробуй загнать туда чёрта.

82. Мост Сират* останется в стороне

Один старик ни разу не посещал мечети. У него был сын. Несмотря на молодость, постоянно ходил в мечеть, охотно слушал проповеди муллы. Однажды, вернувшись из мечети, он сказал отцу:

– Мулла абзый* рассказывал, что после смерти предстоит перейти через мост Сират, который тоньше волоса, острее меча. Плохи дела.

И сын заплакал. Старик утешил:

– Не горюй попусту, там будешь не ты один, соберутся люди, проложат сбоку дорогу, а мост останется в стороне.

83. Искренняя молитва

Ахмали абзый углубился было в совершение намаза, но, быстро отвесив поклон, прервал молитву и повернулся к сыну:

– Сынок, как раз вспомнилось: тот наш, с заплатами, мешок, оказывается, у Фаттаха. Сбегай принеси.

84. Молитва по-новому

Знаменитый вор Шакур увёл коня и закрыл его в конюшне. Собрался было в дом зайти, видит – урядники идут. Вор Шакур быстренько расстелил коврик для молитвы, встал на колени лицом к кыбле* и будто читает нараспев молитву, но так, чтобы слышала сноха:

– Хайягаляссалят*, в конюшне увидишь коня. Магира сноха, передние ворота на запор запри, а коня выведи из задних ворот, Аллах акбар.

Сноха вышла и вывела коня. Шакур закончил молитву и, словно только что увидел урядников, стал зазывать:

– Смотри-ка, гости пожаловали, милости просим, – и велел накрывать стол.

85. Как аукнется...

Навстречу пастуху выскочил какой-то пёс. Испугавшись пса, пастух стал пятиться, отступать. И таким образом до самой мечети отступил. А там шла служба. Увидев молящихся, пастух удивился:

– Ого, злющие, видать, эти деревенские псы! Вишь, сколько людей в мечеть загнали.

86. Ты обманул, и я обманул

В одной деревне был крестьянин, который не ходил в мечеть. Мулла уговаривал его и так и этак. Нет, и ногой тот не ступал. Тогда мулла прибегнул к хитрости:

– Если в течение сорока дней будешь посещать мечеть и не пропустишь ни одной молитвы, на сорок первый день дам тебе корову.

Крестьянин стал ходить. Сорок дней подряд молился. На сорок первый день мулла пришёл в мечеть, а того строптивца нет. Обеспокоенный мулла прочитал наспех молитву и пошёл домой. Заходит во двор, видит: на крыльце сидит тот самый крестьянин.

– Ты почему, такой-сякой, в мечеть не пошёл? – набросился мулла.

– Хазрат*, ты обещал на сорок первый день корову. Выполни обещание, снова буду ходить в мечеть.

– О раб божий, если ты ходишь в мечеть, тебе же самому вознаграждение. Нету никакой коровы.

– Значит, ты меня обманул, хазрат. Ладно, ты обманул, и я обманул. Сорок дней я ходил в мечеть без омовения.

И крестьянин отправился домой.

87. Есть же башковитые!

Соседи взяли Гайфутдина с собой в мечеть: они его научили и правилам намаза:

– Ложись с нами, поднимайся с нами, потом посмотришь по сторонам. Тут и молитве конец.

В мечети все расстелили молитвенные коврики, встали и стали совершать поклоны. Только Гайфутдин в изумлении уставился на заслонку печи. На ней был изображён конь и всадник на нём, за плечами у него висело ружьё.

После его спросили:

– Гайфутдин абзый, что это ты засмотрелся на заслонку?

– Увидел этого всадника – удивился, – ответил он. – Как же это, скажите на милость, сделали? Есть ведь на свете башковитые люди!

88. Лишнего не полагается

Некто приносит мулле подношение. Мулла спрашивает:

– Почему так мало?

– Так ведь и пост был таким же, – ответил прихожанин.

89. Страшен не он

Один человек в месяц рамазан* нарушил уразу*. Спустился в мучной амбар, стал есть хлеб. Его сын заметил это и крикнул:

– Кто там?

Отец ответил:

– Не шуми, не шуми. Отец твой тайком ест собственный хлеб, боится не Аллаха, а людского суда.

90. Сама заходит

Во время поста одному человеку захотелось пить, лёг он на бережку, у края воды, приставил губы к воде, кричит:

– Смотри-смотри, сама в рот течёт, заходит!

91. Чужое солнце

В старину один мальчик постился в месяц рамазан. Он с нетерпением ждал захода солнца. Когда солнце склонилось к закату, он прибежал к матери и закричал:

– Мама, давай разговляться!

– Солнце ещё не закатилось, сынок.

– Как не закатилось? Наше солнце давно закатилось за лес. А это солнце не наше, чужое. Дай мне поесть!

92. Ты-то зайдёшь

В прежние времена один чуваш принял мусульманскую веру. Однажды летом ему пришлось держать пост. Во время утренней еды он покушал солёной рыбы, а днём его стала томить жажда. С нетерпением ждал он захода солнца и, не выдержав, погрозил солнцу пальцем:

– Ай, солнышко, солнышко, времени немного осталось. Ты зайдёшь, а мне какой прок, я уже мёртвым буду.

93. Если пойти на праздник, рыбалка пропадёт

Дядя Мокут* приготовил рыбацкие снасти с весны, но всё не мог сходить на рыбалку. Вот уже лето красное на исходе, а единственный свободный день выпал на праздник – гает*.

Мокут встал с утра пораньше и начал перебирать снасти: леску, удочки. Тётка Джамиля выпалила:

– Народ на гает направляется, ну а ты что омовение не совершаешь?

Мокут растерялся:

– Если пойти на рыбалку, гает жалко, если отправиться на гает – рыбалка пропадёт. Так и быть, никуда не пойду.

С тем отправился на сеновал и проспал весь день.

94. Как бы вроде...

В прежние времена один татарин зарезал овцу. Мясо оказалось жирным. Сын поглядел и сказал:

– Как свинина.

Услыхав эти слова, татарин решил, что мясо осквернено, и отнёс его на базар и продал. Зарезал вторую овцу. Эта оказалась ещё жирнее. Сын поглядел-поглядел на баранину и произнёс:

– Оно как бы вроде, да только говорить нельзя.

95. Слепой курице всё пшено...

Один человек совершил хадж. По возвращении его спросили:

– Вот ты совершил хадж, а Кагбатуллу⁴⁷ видел?

– Как не видеть? Это же темнокожий араб, торгующий на улице Мекки хурмой.

⁴⁷ Кагбатулла (Кааба) – главная святыня ислама в Мекке.

96. Еда с молитвой

Одна старуха, когда сноха готовила еду, всегда напоминала:

– Не готовь так много, сноха, если с молитвой, то хватит, насытимся.

Сноха слушалась её и много молилась, готовила мало. Но сама не наедалась. Так долго поступала, но как-то раз забыла про молитву, много наготовила и наелась. После этого она начала говорить свекрови в ответ:

– Если еды будет много, и без молитвы наемся.

97. Три копейки за так

В царские времена вернулся один человек, долго прослуживший в солдатах, к себе в деревню. Отец стал уговаривать его, и в день праздника гает он тоже отправился в мечеть. Этому человеку, само собой, не хочется лицом в грязь ударить. К тому же разнёсся слух, что он вернулся разбогатевшим и собирается сыграть пышную свадьбу. Зачем же мелочиться. Он тоже дал подаяние. Все дают по две копейки, а у него двух копеек нет, он протягивает мулле пять копеек.

– На-ка вот, мулла, садака*. Две копейки на милостыню, три копейки за так.

98. Так ли, эдак ли

Батрак помещика из Байрака и девушка-служанка решили пожениться. Взявшись за руки, они пошли к мулле. У бедняков, ясное дело, в кармане было пусто.

– Мулла абзый, сотвори уж нам никах* и запиши в метрике, – попросили молодые.

Мулла и так крутится, и сяк гнётся, не хочет бесплатно обряд проводить.

Наконец джигит заявил:

– Ладно, хазрат, тогда мы пойдём к попу соседнего села, таких, как мы, он бесплатно венчает. Но грех будет на тебе.

Только после этого мулла, говорят, начал читать никах.

99. Два срока утренней молитвы

Ленивый шакирд*, отправившийся к казахам муллой, не мог вставать к утренней молитве. Раз проснувшись, смотрит: опоздал, солнце уже взошло! Зная, что казахи станут осуждать нерадивость муллы, шакирд воскликнул:

– Утренняя молитва имеет два срока, один – когда солнце взойдёт!

100. Спасатель

Один прохожий не пустил лошадь, которая собиралась зайти в ворота медресе.

– Отпусти, это моя лошадь, – крикнул хозяин лошади.

– Заплати за мой труд и уводи свою лошадь.

– Какая ещё плата за труд?

– Если бы не я, твоя лошадь зашла бы в медресе и превратилась бы в осла.

101. Ответ шакирда

Как-то раз из мечети исчез разостланный на полу бархат. Мулла очень удивился этому. Одному из своих учеников, которого подозревал, он заявил:

– Ты, шакирд, почему украл бархат с пола мечети?

Шакирд не растерялся:

– Клянусь Аллахом, никогда я в мечеть не ходил.

102. Отпевание солдата

Как-то раз в деревне Казанбаш, что за Казанью, умер один человек. Но читать заупокойную некому: ни муллы, ни муэдзина* дома не оказалось. Тут старики, увидев шакирда Музипа, человека образованного, решили, что он сможет заменить муллу. Пропустили его отпеть покойника.

Музип же не знал, как это делается. Взял да и заставил всех кланяться во время молитвы покойнику. Некоторые из стариков, кто немного разобрался в обряде, выразили недоумение.

– Подождите-ка, разве нам нужно было кланяться покойнику, он же не Всевышний?

Музип не растерялся:

– Вы же сказали, что этот человек – солдат, служивший в Москве, не так ли?

– Да, это так, – ответили ему.

– Так вот, солдата, служившего в Москве, отпевают таким способом, – нашёлся что ответить Музип.

103. Унесло ветром

Один шакирд, проучившись в медресе*, возвращался домой с пятнадцатилетним багажом знаний. Поднялся сильный ветер и разметал все его бумаги, лежавшие на телеге. Шакирд громко заплакал.

– Отчего плачешь, дурачок? – спросил его отец.

– Всё, чему я учился долгие годы, ветром унесло, – ответил шакирд.

104. Религиозный человек

Один человек молился, творил намаз в мечети. Кто-то из находившихся рядом отметил его старание:

– Смотрите-ка, этот человек тридцать четыре дня беспрестанно молится. Я такого ещё не видел.

Прервав свой намаз (а это запрещено), молящийся похвастался:

– Вы не думайте, что я только намаз творю. Вот уже три дня я ещё и пощусь.

105. Не наоборот ли?

Один из мулл ходил всегда в накрученной на голове огромной чалме*. Как-то спросили у него:

– Хазрат! Какой смысл в величине чалмы?

– Смысл таков, – отвечивал мулла, – чалма указывает соответственно на больший или меньший ум человека.

– То есть чем больше чалма, тем меньше ума в носящей её голове?

Мулла, расвирепев, прогнал любопытного своей зелёной палкой.

106. Проницательный

Один мулла возвестил:

– Я слуга Всевышнего на земле. Всё, что есть в мире, я вижу насквозь.

Некто, сварив плов, пригласил муллу в гости. Всем гостям в блюдо положил мясо сверху, только в блюдо муллы мясо подсунул под рис.

– Ты пригласил меня, чтобы издеваться! – повысил голос мулла.

Хозяин засмеялся:

– Мулла абзый, ты не догадался о мясе под рисом, как же ты знаешь, что находится под землёй?

107. Яблоко от яблони недалеко падает

Был мулла по имени Вали. Выставлял себя учёным человеком. У него спросили:

– Откуда же ты такой учёный?

– Хе, мой отец тоже был весьма учёным. Рассказывал наизусть суру* абджада*, пропустив всего лишь пять-шесть слов.

Люди, которым было ведомо, что абджад состоит всего-навсего из восьми слов, ухмылялись, услышав такой ответ.

108. Каждому своё место

Мулла пришёл в кузницу. Кузнец в это время как раз обрубил раскалённый железный брус и бросил подковку на землю. Мулле любопытно, что это за штукавина, он хотел потрогать железо и обжёг руку. Рассердился и стал привязываться к кузнецу, срывать на нём злость. Тот сказал:

– Мулла абзый, ты же сам виноват. Сначала надо было поплевать на него. Зашипит – считай, горячее, трогать нельзя.

Мулла вернулся домой. Жена поставила на стол жирный суп. Мулла, чтобы испытать, не горячий ли суп, смачно плюнул в него. Суп не зашипел. Тогда мулла зачерпнул большой ложкой и отправил себе в рот... Обжёгся, конечно, здорово.

109. Грешные слова

Перед началом уразы мулла объясняет прихожанам:

– Наступает месяц поста, в Коране сказано, что с восхода солнца и до его захода нельзя принимать пищу.

Кто-то спросил:

– Почтенный мулла! Я отправляюсь в Архангельск на лесозаготовки. Там солнце месяцами не всходит. А если уж взойдёт, то долго не заходит. Как же мне быть?

У муллы испортилось настроение:

– Грешные слова говоришь, как там тебя... В Коране ничего не сказано про Архангела-мархангела.

110. Ахмет-то Ахмет...

Работник муллы запряг лошадь и с бочкой отправился за водой. А было половодье. Лошадь заупрямилась, бочка скатилась в воду. Желая удержать бочку, работник свалился в воду, и его чуть не унесло. Люди спасли Ахмета, но мулле, ожидая, что он скажет, сообщили:

– Ахмет бочку хотел спасти и вместе с бочкой утонул.

Услышав весть, мулла расстроился:

– Ахмет-то Ахмет, да вот бочку жалко, ведь совсем новенькая была.

111. Любит только слово «на»

Один мулла во время купания стал тонуть. Оказавшиеся поблизости люди, желая спасти муллу, протягивали ему руки, кричали:

– Дай руку, мулла абзый!

Мулла всё глубже погружался в воду, но руки не давал.

Один из спасателей догадался:

– Постойте! Муллы не любят, когда говорят: «Дай», поэтому, видно, и руки не поднимает.

Он подошёл к воде и крикнул:

– На, на, мулла абзый!

Мулла тотчас протянул руку, и его вытащили.

112. Почему бык послушался?

В прежние времена один человек вместо коня запрягал быка. Однажды этот бык разлёгся на середине улицы. Хозяин и уговаривал быка, и даже побил, но тот и ухом не ведёт, знай себе лежит. Отчаявшись, хозяин решил, что, видно, бык занемог, и послал за муллой.

Мулла явился, нашептал, поплевал. Но быка этим не пронять.

По улице проходил один дядька. Он расспросил, что случилось, и предложил:

– Вылечу быка!

– Каким образом?

– Это моё дело, – ответил дядька. Он шепнул на ухо быку: «Вставай! Видишь, вон мулла заявился? Он живо разлучит хозяина с последним быком».

Бык, только услышал эти слова, мигом поднялся и затрусил во двор.

113. Должник

Один мулла у всех брал в долг. И в соседней русской деревне Токмаково многим задолжал. Пришёл к нему однажды житель его деревни просить должок.

– Почтенный мулла, я пришёл за своими деньгами, верни их мне.

Мулла же не хотел их возвращать. Этот человек начал уж сердиться:

– Если ты не вернёшь свой долг, на том свете моя рука возьмёт тебя за ворот.

Мулла ответил:

– Ладно, если на моём вороте останется место после рук русских из Токмаково, то и ты вцепишься, так и быть.

114. Огорчение муллы

Один человек скончался, и добротную шубу из его наследства послали имаму*. Имам сказал:

– Услышав про кончину, я было опечалился, но увидев шубу, обрадовался.

115. У каждого своя печаль

Бедная женщина пошла к мулле и со слезами говорит:

– Почтенный мулла, муж мой помер, умоляю, приходи на похороны!

Мулла, присоединившись к горю женщины, тоже заплакал. Женщина очень удивилась.

– Я-то плачу с горя, а ты почему плачешь? – спросила она.

Мулла ответил, утирая слёзы:

– Пойду я или нет, результат один, ты не в состоянии дать мне подаяние, оттого и плачу.

116. С бедняка лишь шерсти клок

Один бедняк всё ломал голову над вопросом: «Муллы к заболевшим богачам приходят. А ко мне явятся ли?» – и притворился больным. Послал за муллой. Мулла соизволил прийти лишь после третьего приглашения.

– Эй, такой-то, состояние твоё тяжёлое, что отпишешь по завещанию?

У бедняка, кроме старой шубы, старых чулок да одного стула, ничего не было. Он ответил:

– Эх, хазрат, из четвероногой скотины тебе – стул, муэдзину Наби – мои чулки, хазрату Ахметзяну будет моя шуба.

Мулла тяжело вздохнул:

– Так я и думал: с бедняка лишь шерсти клок.

117. Кому – радости, кому – горести

Пришёл один человек к мулле и позвал его к себе:

– Почтенный, загляните к нам, с женой у нас раздор вышел.

Вечером мулла направился к ним, по дороге ему встретился тот человек в хорошем настроении и сказал:

– Почтенный, к нам уже не ходите, мы с женой помирились.

Мулла очень разозлился:

– Ах, нечестивец, оставил ты меня без подаяния.

118. Тяжёлое приношение

Один мулла отправился в город. Кто-то догнал его и дал приношение. Мулла прочитал краткую молитву и продолжил путь. Подошёл другой человек и тоже дал приношение.

На сей раз мулла прочёл длинную молитву.

– Хазрат, – спросил первый человек, – почему ты читал ему длинную молитву, а мне – ограничился тем, что огладил ладонями своё лицо?

– Всевышний твоё приношение унёс быстро, а у этого оказалось тяжелее, долго не мог унести его, – ответил мулла.

119. Люби кого хошь

К мулле Габбасу пришла соседка:

– Как мне быть, почтенный, мой муж стал за женщинами волочиться. Научи меня такой молитве, чтоб муж только меня любил.

С этими словами она дала подаяние пять копеек. Мулла быстренько что-то написал на бумажке и отдал её женщине:

– Вот эту молитву оберни кожей и как талисман носи на себе, и, даст Аллах, муж будет любить только тебя, – сказал так и взял подаяние.

Женщина стала носить талисман. Тем временем то ли муж поссорился с любовницей, то ли жена старалась больше угодить мужу, но случилось чудо: муж бросил любовницу, стал любить свою жену.

Женщина считала талисман причиной всего этого. Она рассказала по секрету своей подруге, что молитва муллы Габбаса очень помогает.

Эта весть мгновенно разошлась, и все женщины, недовольные мужьями, пришли к счастливой женщине. «Что за молитва, покажи уже, мы бы тоже обзавелись», – просили они её. Наконец, заставили развернуть талисман и достали маленькую бумажку. А там написано было четверостишие:

Люби хоть ту,
Люби хоть эту.
А мне хорош лишь тот,
Кто денежки даёт!

120. Бесхребетный

Один человек спросил у муллы:

– Хазрат, если хмельного малость отведать, греха ведь не будет, верно?

– Да, да, греха нет, верно, – сказал мулла.

Вслед за тем человеком спросил другой:

– Хазрат, сколько ни выпьешь хмельного, всё равно ведь грех, так ли?

– Да, да, всё равно грех, верно.

Этот разговор услышала остабикэ*.

– Обоим ты ответил «верно». Как это понимать?

– Остабикэ! Сказанное тобою тоже верно! – ответил мулла.

121. «Разделение труда»

Одному мулле захотелось собрать мужиков в мечеть.

– Ладно, омовение можете не совершать. Достаточно, если просто так прочитаете молитву, – разрешил он им.

Через какое-то время этот мулла ушёл. Его место занял другой. Узнав, что мужики обходятся без омовения, новый мулла спросил у прежнего, почему он разрешил такое.

Тот мулла ответил:

– Я научил читать молитву, ты теперь научи совершать омовение.

122. Подаяние в честь поста

В месяц поста мужик принёс мулле приношение. Муллы дома не оказалось. Мужик обратился к остабикэ:

– Абыстай*, я принёс вам подаяние в честь поста.

Остабикэ ответила:

– Да благословит Аллах! Разве месяц поста уже наступил?

– Уже рамазан кончается, абыстай, через пять дней наступит праздник – гает.

– Шайтан* в них разберётся, раз в доме никто не держит пост, – пробормотала остабикэ.

123. В надёжном месте

В деревенской мечети в канун мусульманского праздника мулла произнёс такие слова:

– Правверные, если не дадите подаяние в честь поста, то ваш пост останется висеть между небом и землёй.

Один старик, который много натерпелся от мышей, обратился к народу:

– Правверные! Не опасайтесь. В таком месте будут, куда мыши не доберутся.

124. Мулла

Один мулла, читая проповедь, всё время упоминал имена соратников пророка Мухаммеда: Абубакира, Гумара, Гусмана, Гали. Это очень злило местного бая, так как в деревне были четыре бедняка с такими именами. Однажды бай встретил муллу на улице и сказал:

– Ты, хазрат, в своей проповеди упоминаешь имена этих оборванцев. Вот если моё имя помянешь, я тебе дам сорок овец.

На следующий день мулла начал свою проповедь по-арабски:

– Йэ эйеһэл байгура, энтэ кэлбен кэбира.

Здесь присутствовал шакирд, гостивший в деревне. Он понял эти слова: «Ах, бай, большая ты собака». Он посмотрел на муллу и многозначительно покашлял. Мулла не растерялся и продолжил речь:

– Нисьфы лэкэ, нисьфы ли, эрбэгүнэ ганэмэ.

Шакирд снова понял его слова: «Сорок овец, половина тебе, половина мне». Выслушал он это и промолчал.

125. Способ брать подаяние

Однажды, когда в деревне из мужчин не осталось образованного человека, вдове муллы стали приносить подаяние. Принимая подаяние, она, однако, не умела благословлять. Тогда она подумала-подумала и направилась к мулле соседней деревни, чтобы выучить молитву. Мулла заставил её выучить слова принятия веры, всё без толку. Тогда мулла спросил:

– До сколько можешь считать?

– До пяти.

– В таком случае сначала считай до пяти, потом в обратном порядке. Считай несколько минут, и люди уйдут, весьма довольные тобой.

126. Иногда и шайтан говорит правду

Однажды мулла с михраба* возгласил: «Правоверные, не поддавайтесь козням шайтана. Он – враг человеческого рода. Пропадёте».

Один старик-острослов спросил:

– Хазрат, вот уже два дня, как вижу во сне: приходит шайтан и наущает: «Дай, говорит, чапан*, что на тебе, хазрату». Я вконец растерялся. Как же мне поступить?

Хазрат задумался, потом изрёк:

– Иногда послушаешься и шайтана.

127. Мулла, превзошедший шайтана

Одному мулле в период поста сильно захотелось есть. Он зажёл в углу лампу и стал варить над пламенем яйцо. В это время кто-то зашёл к мулле в дом. Увидя муллу за таким занятием, вошедший спросил:

– Хазрат, что ты делаешь? Ты же пост нарушил?

Мулла испуганно:

– Эй, такой-то, шайтан попутал.

Только произнёс он эти слова, как из-за печки выскочил шайтан:

– Эй, такой-то, такое враньё впервые слышу, к тому же от муллы.

128. Смотри когда

Кто-то спросил у муллы:

– Можно ли придавать значение женскому слову, мулла абзый?

– Нет, нельзя, – ответил мулла.

– Правильно говоришь, мулла абзый. Я тоже сегодня так же поступил. Жена велела зарезать барана и сварить его для тебя. Хорошо, что я не послушался.

– Нет, иногда можно слушаться советов таких умных жён.

129. Овца без молитвы взлетает в небо

В Заказанье, в Кошаре, был мулла Габбас. Однажды во время службы он сказал:

– Правоверные, за овец дайте приношение. Овца без молитвы имеет привычку, кувыркаясь, взлетать на небо.

В тот год у муллы в работниках был Машти. Услышав слова муллы, он поймал одну из его овец, заколол и съел. Мулла Габбас, пересчитав овец, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.